

Джеймс Джойс
был ее отцом
Сэмюэль Беккет
был ее любовником
Это ее история

того
САМОГО

Дочь ДЖОЙСА

роман

АННАБЕЛ ЭББС

Мировая сенсация

Аннабел Эббс

Дочь того самого Джойса

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Эббс А.

Дочь того самого Джойса / А. Эббс — «Центрполиграф»,
2016 — (Мировая сенсация)

ISBN 978-5-227-08253-4

Книга о любви, творчестве и жизни в тени гения. Завораживающее повествование о драматической судьбе Люции Джойс, дочери писателя Джеймса Джойса, автора знаменитого «Улисса», танцовщицы, блестяще дебютировавшей на одной из лучших сцен Парижа, талантливой художницы, красавицы, прекрасно говорившей на четырех языках. Что же подорвало так ярко начавшуюся жизнь Люции? Отчего закатилась ее сверкающая звезда? Автор рассказывает потрясающую и малоизвестную историю, произошедшую в один из самых насыщенных культурных периодов XX века.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-227-08253-4

© Эббс А., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Дочь того самого Джойса	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	42
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Аннабел Эббс

Дочь того самого Джойса

* * *

Оформление художника Я. Л. Галеевой

© Annabel Abbs 2016

© Перевод и издание на русском языке «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2018

Дочь того самого Джойса роман

Существуют грехи или (назовем их так, как называет их мир) дурные воспоминания, которые человек стремится забыть, запрятать в самые дальние тайники души, – однако, скрываясь там, они ожидают своего часа.

Джеймс Джойс. Улисс. 1922 г.

Сентябрь 1934 года

Кюснахт, Цюрих

Я стою на палубе и смотрю, как за кормой кипит белая пена. Цюрих медленно исчезает за горизонтом, и я жду, когда же передо мной появится Кюснахт. Ветер стряхивает с деревьев сухие, скрученные листья. Воздух холодный и промозглый, над озером стоит тонкий запах разложения.

Я хожу к нему уже три недели. Мы встречаемся в его старом, требующем ремонта, каком-то квадратном доме в Кюснахте. Три раза в неделю я приезжаю на сеансы на пароме. И за все это время я не сказала ни слова. Но сегодня что-то, кажется, изменилось. Я осознаю, что новое, незнакомое прежде чувство будто ворочается внутри меня, и мое молчание начинает меня угнетать.

Все озеро залито осенним солнцем. У самой поверхности резвятся маленькие рыбки, выпрыгивают из воды, совершают пируэты, и их полосатые спинки блестят, словно крошечные звезды, упавшие с небес. Я смотрю на них, и странное ощущение зарождается где-то в подошвах ног, пробирается выше, к щиколоткам, охватывает икры. Пробегает по спине. Я невольно начинаю покачивать бедрами и постукивать пальцами о поручни, отбивая ритм. Как будто мое тело, скучное, ничем не примечательное тело, снова хочет стать красивым, превратиться в предмет всеобщего поклонения.

Сегодня я заговорю. Я отвечу на все его утомительные вопросы. И скажу, что снова хочу танцевать. Да. Мне нужно, необходимо опять танцевать...

* * *

Доктор Юнг складывает пальцы домиком. Их кончики касаются его аккуратно подстриженных усов.

– До восемнадцати лет вы спали в одной комнате с отцом. Как вы переодевались? – Его глаза похожи на маленькие кружки, излучающие свет. Он не сводит взгляда с моего лица.

– Я спала в одежде, – смущенно отвечаю я, зная, что за вопросы последуют дальше. И меня от них тошнит. А еще они до смерти мне надоели.

– Почему вы не переодевались?

Его слова повисают в воздухе. Я плотнее закутываюсь в свое кротовое пальто. Маленькая настойчивая горничная все пыталась отобрать его у меня в прихожей. Повторяла, что в кабинете у доктора очень тепло, она сама разожгла камин.

– Крысы ведь не переодеваются на ночь, не так ли?

– Крысы? – Доктор Юнг резко поднимается с кресла и начинает расхаживать по комнате. – Я рад, что вы наконец-то решили заговорить, мисс Джойс, но объясните, что вы имеете в виду.

– Мы жили в самых разных местах. Наверное, их были сотни... комнаты... квартиры... В Италии, в Швейцарии, в Париже. – Я уже чувствую, что от слов у меня вяжет во рту. Мне хочется стиснуть зубы и замолчать. С меня хватит этих бесед, этих бесконечных вопросов. Но я быстро провожу языком по верхней губе и заставляю себя продолжать: – Когда состоятельные люди – покровители отца – стали давать нам деньги, мы перебрались на Робьяк-сквер. До этого мой брат Джордж всегда называл нас «эмигрантскими крысами».

– А ваш отец называл это изгнанием. – Доктор Юнг подходит ближе и склоняется надо мной, так что наши лица находятся на одном уровне. Может быть, он и в самом деле способен заглянуть в мою пустую, разграбленную душу, думаю я. Понять, как меня предали, как отняли у меня все. – Расскажите мне об «Улиссе». Признаюсь вам, я заснул, читая его. – Он снова опускается в кресло, делает какие-то пометки в записной книжке и опять упирается в меня глазами. – Роман, запрещенный за непристойность. Что вы чувствовали, зная, что ваш отец – автор порнографической книги?

За окном облако закрывает солнце.

– «Улисс»... – повторяю я и копаюсь в своей дырявой, будто изъеденной молью памяти, пытаюсь отыскать хоть какие-то зацепки. Толстый синий корешок... золотые буквы... мама вырывает из рук... – Моя мать однажды увидела у меня роман и отняла его. Она сказала, что у отца грязное воображение и что мне будет позволено его прочитать, лишь когда я выйду замуж. Замуж! – Я горько усмехаюсь.

– Так вы прочли его?

– Конечно. Это величайшая книга из всех, что когда-либо были написаны. – Я не признаюсь доктору, что и мне тоже сюжет показался скучным, персонажи странными и слишком сложными, я ничего не поняла и так и не добралась до «развратных мест», о которых судачили все вокруг. Вместо этого с моих губ неожиданно срывается вопрос о баббо¹, вопрос, который все еще мучает меня даже по прошествии стольких лет.

– Доктор, мой отец в самом деле сумасшедший извращенец?

Доктор Юнг внимательно смотрит на меня сквозь очки в тонкой золотой оправе. Я вижу, как расширяются его глаза. Он шумно вздыхает и медленно склоняет голову.

– Почему вы спрашиваете меня об этом, мисс Джойс?

Я так тесно стягиваю полы пальто, что оно сдавливает грудную клетку и мне становится трудно дышать.

– Я прочтала это в одной газете, – с трудом выдавливаю я. – Они назвали его сумасшедшим извращенцем. А «Улисс» – похабщиной и самым непристойным романом всех времен. – Мой голос отделяется от тела и живет сам по себе, как будто ни слова, ни звуки, что я произношу, не имеют ко мне никакого отношения.

– Как вы думаете, почему ваш отец выбрал себе в жены горничную? – Доктор подается вперед и сдвигает очки на лоб – он снова внимательно изучает меня.

– Ему не нравятся умные женщины. Так он однажды сказал. – Опять же, я не признаюсь, что *точно* знаю, почему отец женился на горничной. Есть вещи, о которых не говорят. Особенно с толстыми швейцарцами с часами-луковицей на цепочке, которым платят за час работы, как женщинам легкого поведения. И вообще ни с кем.

Доктор Юнг кивает и задумчиво покусывает ноготь большого пальца. Он постоянно наблюдает за мной, следит за каждым движением, каждой реакцией, пытается влезть мне в душу. Потом берет ручку и записывает что-то в книжку, и я слышу, как перо царапает бумагу.

¹ Баббо (*ит. babbo*) – папа. (Здесь и далее примеч. пер.)

Я поглаживаю мех кротового пальто – такой мягкий, такой успокаивающий. Словно ласкаю маленькую собачку, свернувшуюся у меня на коленях. Лицо мамы уже расплывается перед моим внутренним взором – ее черные брови, похожие на перья ворона, тонкие губы, мягкие щеки, покрытые сеточкой красноватых сосудов.

– Больше не хочу о ней говорить. Она сделала со мной это. – Я три раза постукиваю пальцем по виску.

Доктор бросает писать и застывает в задумчивости. Это длится так долго, что у него начинают подергиваться веки.

– Расскажите о ваших отношениях с отцом. До того, как вы стали спать в одной спальне.

– Он всегда писал. До тех пор, пока не был закончен «Улисс», едва со мной разговаривал. – Я опускаю ресницы и люблюсь своими новыми туфельками из мягчайшей итальянской кожи. И поджимаю пальцы. Нет нужды рассказывать больше. Пока нет...

– Вы сражались за его внимание со множеством людей – как реальных, так и придуманных. – Глаза доктора, яркие, как шутихи, словно впиваются мне в мозг.

– Полагаю, так оно и было.

Я зарываюсь пальцами в мех, играю с ним, провожу рукой против ворса и думаю о своих жадных братьях и сестрах. Обо всех этих персонажах его романов, расхаживающих по Дублину. Да-да, мои жадные братья и сестры. Это они отняли у меня баббо. Я смело выдерживаю взгляд доктора, надеясь, что кажусь дерзкой и уверенной в себе. Но, скрытые под кротовым пальто, на шее у меня выступают капельки пота и струятся вниз, в глубину декольте.

– Для чего я здесь?

Мне нужно отделаться от его бесконечных вопросов. Времени осталось совсем мало. Вещь, над которой работает папа, все еще не закончена. Баббо нужна моя помощь. Я всегда его вдохновляла. И какая польза от меня, заключенной в Швейцарии? Мои стопы слегка подергиваются, взад-вперед, взад-вперед. Это напоминает мне быстрые вдохи и выдохи человека, которого вдруг охватила паника.

– Вы здесь по просьбе вашего отца, мисс Джойс. Но, поскольку до нынешнего дня вы упорно хранили молчание, нам с вами предстоит еще много долгих бесед. Расскажите мне о Джордже – Доктор Юнг переплетает пальцы и выжидающе смотрит на меня.

Джордже. При одном только звуке его имени меня словно омывает теплая волна любви. Десять лет мы с Джордже были нераздельны, как сиамские близнецы. Я смотрю на свои руки, как будто сейчас увижу на них белые следы от его пальцев. Он всегда хватал меня за руки. Оттаскивал от каждой встреченной тощей бродячей кошки с выступающими ребрами, которую мне непременно нужно было взять домой. Поддерживал, когда мы поднимались по крутым улочкам Триеста. Сотни раз не давал мне свалиться прямо под колеса омнибуса. Но никаких следов, конечно, нет. Лишь блестящий, сморщенный, но почти незаметный шрам на большом пальце. Однако я начинаю вспоминать что-то еще. Что-то маячит на задворках памяти. Я замираю, пытаюсь задержать уплывающие образы, оживить их. Но ничего не выходит. Я только чувствую, как в затылке зарождается тупая боль. Несколько бесконечно долгих минут я тру виски. Тишина просачивается внутрь меня, водоворотами кружится в ушах, а в мозгу постепенно расцветает боль.

Доктор бросает взгляд на тяжелые золотые часы с цепочкой, что лежат перед ним на столе.

– Наше время на сегодня истекло, мисс Джойс. Но я бы хотел, чтобы вы написали мне нечто вроде мемуаров о тех годах, что вы провели на Робьяк-сквер. Вы можете это для меня сделать?

– Для вас? Я полагала, что это лечение разговорами должно помочь мне.

– Это нужно мне для того, чтобы помочь вам. – Он говорит медленно, четко произнося каждое слово, как будто обращается к ребенку или слабоумному. Затем берет со стола часы и со значением смотрит на них. – В следующий раз принесите первую главу.

– Но с чего мне начать?

– Вам теперь двадцать семь? – Доктор кладет часы обратно и загибает мясистые пальцы, что-то подсчитывая. – Вы сказали, что вашим первым возлюбленным был некий мистер Беккет, верно? – Он энергично кивает. – Вот и начните с него. Вы помните, когда впервые его увидели?

– Подождите, – говорю я и закрываю глаза.

Воспоминания приходят ко мне, маленькие кусочки, крохотные детали медленно выступают из темноты. Сначала бледные, совсем слабые. Потом – яркие и резкие. Запах устриц и eau de parfum², турецких сигарет и сигарного дыма. Хлопают пробки от шампанского, погромы-хивает лед в стальных ведерках, звякают, звякают, бесконечно звякают бокалы. Я помню все: ослепительный свет люстр в ресторане, громкие разговоры, тюрбан на голове Стеллы, похожий на маленькую желтую тыкву, влажное дыхание Эмиля на моей щеке, сияющие глаза баббо, произносящего тост в мою честь, все до единого слова мамы и баббо. О да... все их слова. О рождении, о свадьбе, о моем таланте и будущем, которое меня ожидает. Тогда мне казалось, что жизнь услужливо расстилается под моими ногами, усыпанная розами и золотыми блестками, сверкающая, прекрасная, полная возможностей.

Я открываю глаза. Доктор Юнг уже поднялся и отодвинул кресло. Он стоит возле стола и нетерпеливо постукивает пальцами по кожаной спинке. словно стрелки его золотых часов отщелкивают секунды.

– Я знаю, с чего мне начать, – говорю я.

Я начну с того момента, когда в моем юном сердце впервые проклюнулись ростки желания и честолюбия, как жадные молодые побеги сорняков, позже заполонившие собой все. Потому что это и было начало. Что бы там ни говорили, *это* было начало.

² Парфюмированная вода (фр.).

Глава 1

Ноябрь 1928 года

Париж

– Два гения в одной семье. Уж не посоперничать ли нам? – Не отрывая глаз от газеты, баббо повернул на пальце перстень с драгоценным камнем. Он внимательно вглядывался в мою фотографию на странице, так, будто никогда не видел меня раньше. – Как же ты прекрасна, *mia bella bambina*³. Твоя мать выглядела точно так же, когда мы с ней сбежали.

– Вот мое любимое место, баббо. – Я вырвала у него из рук газету и, задыхаясь от восторга, зачитала отрывок из отзыва на мой танцевальный дебют: – «Когда она достигнет пика мастерства, Джеймс Джойс, возможно, будет известен прежде всего как отец своей дочери».

– Какое яростное, неукротимое у тебя тщеславие, Лючия. Эта строчка словно выгравирована в моей памяти. Позволь-ка мне. – Высоким, чуть пронзительным голосом он продекламировал: – «Лючия Джойс – истинная дочь своего отца. Она унаследовала от Джеймса Джойса его увлеченность, энергию и – хотя пока нам еще неизвестно, в какой степени, – его гениальность». – Он остановился и двумя пальцами, потемневшими от табака, прикоснулся к только что тщательно набриолиненным волосам. – Твое выступление было поразительным. Такой потрясающий ритм и в то же время эфемерность... Я снова думал о радугах. – Баббо на секунду прикрыл глаза, словно вспоминая минувший вечер, и снова открыл их. – Что еще говорит о моем чаде газета – с чьим авторитетом, несомненно, никто не осмелится поспорить?

– Тут сказано: «Этот дебют сделал ей имя в Театре Елисейских Полей, этом главном храме авангардного танца в Париже. Она танцует дни напролет – репетирует с труппой, занимается хореографией или просто танцует сама для себя. Когда же Лючия не танцует, она придумывает костюмы, разрабатывает цветовые комбинации и эффекты. Вдобавок ко всем своим прочим талантам она говорит не меньше чем на четырех языках – и бегло! – и к тому же обладает весьма выразительной внешностью: это высокая, стройная, невероятно грациозная красавица с каштановыми волосами, уложенными в прическу „боб“, голубыми глазами и чудесной фарфоровой кожей. Мы в восхищении!»

Я швырнула газету на диван и принялась вальсировать по гостиной, ярко, эффектно, экспрессивно. В моих ушах все еще звенели аплодисменты, эйфория пьянила меня. Я подняла руки и закружилась, проносясь мимо столь любимых баббо портретов его предков в золоченых рамках; вокруг сложенных в стопки томов энциклопедии «Британника», которые порой служили табуретами лестцам баббо, когда они собирались, чтобы послушать, как он читает; мимо маминых папоротников в горшках...

– Весь Париж читает про меня, баббо. Про *меня*! И... – Я остановилась и погрозила ему пальцем. – И тебе стоит поостеречься!

Баббо скрестил ноги и лениво откинулся на спинку кресла, наблюдая за мной. Он всегда наблюдал за мной.

– Сегодня поужинаем в «Мишо». И будем пить за тебя и праздновать твой успех до самого утра, *mia bella bambina*. Пригласи свою американскую подругу-танцовщицу, пусть она украсит наше общество своим присутствием. А я приглашу мисс Стейн. – Он снова пригладил волосы, на сей раз с озабоченным видом. – И еще, я полагаю, тебе следует позвать того молодого человека, что сочинил музыку.

³ Моя красивая девочка (*ит.*).

– Да, я скажу Эмилю... мистеру Фернандесу. – Мое сердце подпрыгнуло, я поднялась на цыпочки и сделала пируэт – один, второй, третий, а потом упала на диван. И тут же взглянула на баббо – заметил ли он, как участился мой пульс, когда он упомянул Эмиля? Но он опять закрыл глаза и играл с усами, прижимая кончики к лицу указательными пальцами. Интересно, мелькнуло у меня в голове, думает ли он сейчас о мисс Стелле Стейн, которая делает иллюстрации к его книге, или прикидывает, помадить ему усы или нет перед тем, как мы отправимся в «Мишо».

– А в газете ничего не написали о композиторе, как, еще раз, ты сказала, его зовут? – Баббо открыл глаза и посмотрел на меня.

Мне показалось, что его зрачки за толстыми стеклами очков плавают, словно черные головастики в кувшине с молоком.

– Эмиль Фернандес, – повторила я.

Услышал ли он особую, нежную интонацию, с которой я произнесла это имя? Работая над моим дебютным выступлением, мы с Эмилем сблизились и стали равнодушны друг к другу, и я не знала, как отнесется к этому баббо. Когда дело касалось меня, он всегда вел себя так, будто я принадлежу ему, и только ему, и они вместе с мамой принимались втолковывать мне, что принято и что не принято делать в Ирландии. Когда я возражала, что теперь мы в Париже и у каждой здешней танцовщицы сотни любовников, баббо глубоко вздыхал, а мама вполголоса бормотала: «Шлюхи, распутницы, хоть бы унцию стыда имели!»

– Я позвоню мисс Стейн, а ты можешь позвонить мистеру Фернандесу и своей восхитительной подруге, имя которой я все время забываю. – Он поднес руку к шее и аккуратно поправил свой галстук-бабочку.

– Киттен, – напомнила я. И вспомнила сама, что и мама, и баббо почему-то упорно называют ее мисс Нил. – Ну, мисс Нил, ты же знаешь! Как ты мог забыть ее имя? Она моя лучшая подруга вот уже много лет.

– Киттен-котенок, совсем ребенок, была укушена выпью злосчастной и околдована, в цепи закована, бедная детка, котом опасным... – пробормотал баббо и полез в карман вельветового пиджака за сигаретой.

В тишине мы слышали на лестнице тяжелые шаги мамы.

– Думаю, для нашего же с тобой спокойствия нам не стоит постоянно читать твоей матери статью о твоём дебюте. – Он снова замолчал и закрыл глаза. – Это... одна из присущих ей странностей, как тебе известно. – Баббо зажал сигарету губами и зашуршал чем-то в кармане. – А теперь доставь мне удовольствие – еще один последний пируэт, *mia bella bambina*.

Я быстро сделала тройной пируэт. Мама не любила, когда я танцую в гостиной, и мне не хотелось, чтобы ее воркотня испортила мое прекрасное настроение.

Она вошла в комнату с руками полными пакетов с покупками. Ее грудь высоко вздымалась – она только что преодолела пять лестничных маршей, ведущих к нашей квартире. Баббо открыл глаза, моргнул и сообщил маме, что сегодня мы идем в «Мишо», чтобы устроить небольшой праздник.

– Хочешь сказать, почтовый ящик нынче с утра оказался набит деньгами? – Мама обвела взглядом комнату, чтобы проверить, не перевернула ли я что-нибудь, – такое случалось, когда мы с баббо оставались одни и он просил меня потанцевать для него.

– О нет, мой горный цветок. – Он на мгновение прервался, чтобы закурить сигарету. – Это лучше, чем деньги. За Лючию сегодня пьет весь Париж, и мы тоже хотим поднять за нее бокалы. Так что вечером мы будем праздновать, гордиться и хвастаться.

Мама не сдвинулась с места, по-прежнему держа в руках пакеты. Она лишь сузила глаза, так что они превратились в две маленькие щелочки.

– О, только не твои танцы, Лючия. Они меня просто убивают. Ты сведешь меня в могилу – ты и еще этот лифт, что никогда не работает, и все эти треклятые ступеньки, по которым мне приходится лазать.

Я почувствовала, как атмосфера сгущается, но ведь я давно привыкла к мученическому лицу мамы и ее постоянным жалобам и причитаниям. Кроме того, когда она отвернулась, баббо заговорщически взглянул на меня и быстро подмигнул. Не обращая внимания на ее ворчанье, я передала маме газету.

– Я стану знаменитой танцовщицей, мама. Прочти.

– Прочту, Лючия, вот только сначала мне надо разобрать эти пакеты и сделать себе чайку. Посмотри-ка, какие замечательные перчатки, Джим.

Она бросила покупки на диван, вытащила из одного из пакетов длинную гляцевую коробку и принялась разворачивать бесконечные слои черной папиросной бумаги. Мне почудилось, что в комнате вдруг стало холодно, как будто в нее откуда-то проник ледяной ветерок. Я положила газету на диван и прижала руки к груди. Ну почему она не может порадоваться за меня – хоть раз? Хоть в *этом* раз?

Баббо снова украдкой подмигнул мне и выпустил длинную струю дыма.

– Ив самом деле, очень красивые перчатки. И они будут смотреться еще красивее и элегантнее на твоей руке, сжимающей бокал с несравненным, головокружительным шампанским в «Мишо». – Он сделал жест в сторону дивана. – Прочти статью, Нора. В ней описываются дивные таланты нашей bella bambina. Я невольно вспоминаю пословицу «Яблоко от яблони недалеко падает».

– Святая Мария, Матерь Божья! Да вы словно пара детишек, что залезла в горшок и слопала все варенье! – Мама вздохнула и посмотрела на новые перчатки. – Что ж, мне не больно-то хочется готовить сегодня, а перчатки в «Мишо» уж точно оценят. – Она фыркнула, потянулась за газетой и потыкала в нее пальцем. – Здесь должны были писать о Джордже Почему никто не пишет о нашем Джорджо?

– Напишут, Нора. Непременно. Возможно, у Лючии было озарение насчет Джорджо? Видение, как у Кассандры?

Баббо с надеждой взглянул на меня, но не успела я ответить, как мама разразилась ядовитыми комментариями о «дурных предзнаменованиях» и «безумных Кассандрах». Я промолчала.

– Время Джорджо еще придет, но сегодня мы отмечаем успех моей радужной девочки. – Кольцо дыма сорвалось с губ баббо, словно бы неуверенно поднялось вверх и растворилось в воздухе.

– Что это ты все время твердишь о каких-то радужных девушках? Только не говори мне, что они – кто бы это ни был – тоже могут видеть будущее! – Мама с яростью дернула новую перчатку, пытаясь натянуть ее на пальцы.

– Это из моей книги... они шалят, и резвятся, и кружатся в хороводе на своем празднике... потому что они цветы... Но не обращай внимания. Незачем тебе забивать этим свою прекрасную голову, моя непобедимая и величественная воительница. – Баббо уставился в потолок и вздохнул.

– Почему бы тебе не написать нормальную книгу, Джим? Эта точно меня прикончит. – Не снимая перчаток, она неохотно потянулась за газетой. – Надень что-нибудь поярче, Лючия. Не хочется, чтобы тебя затмила эта мисс Стелла Стейн. Так какая, ты говоришь, там страница?

Как только метрдотель заметил баббо, маму и меня, он тут же ринулся к нам, разрезая толпу, словно нож масло. Какие-то люди то и дело останавливали баббо и спрашивали его, как продвигается «вещь, над которой он работает». Только маме было позволено знать настоящее название книги, и баббо заставил ее поклясться, что она никому ничего не скажет.

Когда родители поздоровались с нашими гостями, у меня за спиной неожиданно возник Джордже.

– Прости, я опоздал, – чуть задыхаясь, выговорил он. – Едва ли не час ждал трамвая. Но я читал газету – какой грандиозный отзыв! – Джорджо притянул меня к себе и поцеловал в висок. – И какая у меня умная, талантливая сестричка! Надеюсь, что скоро ты заработаешь целое состояние – будет чем платить за мои уроки пения. – Он скорчил гримасу и быстро отвернулся.

– Я тоже надеюсь, – осторожно ответила я, стараясь, чтобы это не прозвучало хвастливо. – А что уроки пения? Не слишком удачно?

– Недостаточно удачно, чтобы отвечать ожиданиям отца. – Джорджо коснулся пальцем накрахмаленного воротничка сорочки, и я заметила лавандово-лиловые круги у него под глазами. От его дыхания исходил легкий запах спиртного. – Мне каждый день приходится просить у него денег, и он всегда смотрит на меня такими глазами... будто собака, которую никто не покормил. А потом разочарованно вздыхает... как обычно.

Я с сочувствием коснулась его руки. Мне было очень больно видеть Джорджо таким разочарованным, и, кроме того, раньше от него никогда не пахло алкоголем.

– Я начну зарабатывать и смогу помочь.

На это Джорджо ничего не ответил.

– А помнишь мистера и миссис Обнимашки-Пирожки? – вдруг спросил он.

Я рассмеялась:

– Родителей, которых мы придумали в детстве?

Его лицо погрузнело.

– Я видел их во сне прошлой ночью. Они в конце концов пришли за нами и усыновили нас, и мистер Обнимашки-Пирожки учил меня кататься на лошади.

– Мы с тобой уже слишком взрослые для того, чтобы мечтать о воображаемых родителях. – Я оглянулась на маму и баббо, которые пробирались вглубь ресторана, окруженные целой армией черно-белых официантов.

– Когда мы были маленькими, их никогда не было рядом. А теперь, когда мы стали взрослыми, они все никак не оставят нас в покое. Мистер и миссис Обнимашки-Пирожки такими бы не были, правда?

– Нет, но ведь они не настоящие. – Думать о прошлом мне не хотелось, поэтому я просто пожала плечами и собралась напомнить Джорджо, что мама как раз считает его идеальным, и, по ее мнению, он все на свете делает хорошо и правильно. Но Джорджо не дал мне ничего сказать.

– О, смотри-ка, все уже здесь.

Он показал на столик у окна, где сидели Стелла, Эмиль и Киттен, а рядом с ними были разложены отполированные до блеска приборы и сияли хрустальные бокалы. Свет люстры падал прямо на улыбающееся лицо Эмиля, и в груди у меня что-то затрепетало. Он напоядил свои черные волосы, а в петлицу вставил оранжевую лилию. Эмиль помахал мне рукой, и луч света, отразившись от его бриллиантовой запонки, рассыпался по столу сотнями радужных сверкающих искр. Рядом с ним устроилась Стелла, вся в ярко-бирюзовом шелке, с тремя рядами длинных, доходящих до пояса, янтарных бус на шее и в лимонно-желтом тюрбане с кисточками, которые, казалось, танцевали у нее над бровями. За нами появился баббо. Он внимательно рассматривал Стеллу, словно ученый, изучающий неизвестную орхидею.

– Хотела бы я одеваться так, как она, – прошептала я Киттен, когда она прижалась губами к моей холодной щеке.

В Стелле были дерзость и бравата, богемный шик и беззаботность, которые я так мечтала перенять. Мама всегда выбирала и покупала мне одежду сама, и, хотя мои платья и костюмы

были безупречно элегантны и отлично скроены, они не шли ни в какое сравнение с вызывающе-великолепными нарядами Стеллы.

– О, не беспокойся о том, как ты одета, дорогая. После твоего дебюта и этого восторженного отзыва это не имеет никакого значения. Должна признаться, я тебе немного завидую. А потом, подожди, и ты еще увидишь, что у нее внизу! Гаремные штаны с кисточками! Весьма непрактично. Не представляю, что она будет делать, если пойдет дождь. – Киттен сжала мою ладонь. – Но Джордже, сегодня у него не такой беспечный и неунывающий вид, как всегда. Он сам на себя не похож.

– Он беспокоится о деньгах, и, я думаю, он устал зависеть от милости покровителей баббо, – прошептала я ей в самое ухо.

– Все будет хорошо, если твоему отцу удастся продать свою книгу в Америке. Но почему он так смотрит на Стеллу?

– Она делает иллюстрации для его книги. Можешь быть уверена, сейчас он думает не о Стелле, а о книге. – Я опустила глаза и совсем тихо добавила: – Или, возможно, он мысленно пытается описать ее по-фламандски или на латыни... или в этих своих стишках-головоломках.

Я скользнула на банкетку рядом с Эмилем и ощутила крепость его тела и исходящий от него жар. Вокруг нас звенели разговоры и смех, браслеты и бусы, тарелки и бокалы, ножи и вилки. И весь этот шум звучал в моих ушах словно аплодисменты моему дебюту. Мне казалось, что меня пропитывает электричество, что я вот-вот поднимусь над землей от восторга.

Баббо заказал шампанское и устрицы на льду, и, как только официанты наполнили наши бокалы, он встал, отодвинул стул и костистыми пальцами ухватился за край стола.

– Тост в честь Лючии! Танцовщицы и артистки, знающей несколько языков!

– С голубыми глазами и фарфоровой кожей, – подхватила мама, подняла свой бокал и вытянула шею, повернув голову так, чтобы ее было лучше видно.

Я вдруг подумала, что она завидует мне. Это была глупейшая, нелепейшая мысль, и продержалась она в моей голове не дольше мгновения, но... что-то было в том, как она выгнула шею, подставив ее под свет люстры. Словно она пыталась дать всем понять, что своей внешностью я обязана лишь ей. Меня внезапно поразило – как давно я не видела, чтобы баббо смотрел на нее с нежностью или слушал, застыв в своей обычной манере, переливы ее речи. Все это теперь доставалось мне. Я бросила взгляд через стол – вот он, баббо, с бокалом в руке, часто моргает, переводя глаза со Стеллы на меня.

Между тем шампанское кипело в бокалах, от блюда с устрицами поднимался соленый, остро-свежий, как молодая зелень, аромат, облачка сигарного дыма зависали в воздухе, люди за соседним столом улыбались и хлопали мне. Эмиль прижал свою ногу к моей, уверенно и очень по-мужски. В этот момент мне казалось, что я буду счастлива целую вечность, до окончания времен, и никто – никто на свете! – не может быть счастливее, чем я. Я склонилась к Эмилю и незаметно для всех положила руку ему на бедро.

– Где ты будешь танцевать в следующий раз, Лючия? Может быть, Жозефине Бейкер придется освободить для тебя сцену? – Стелла поправила тюрбан, подцепила вилкой устрицу и изящно отправила ее в рот.

– Ну уж и штучка эта миссис Бейкер. Танцевать голой в бананах! Какой позор! – Мама взяла салфетку и с силой встряхнула ее, словно хотела одним махом отогнать все разговоры о Жозефине Бейкер, танцовщице, которая покорила Париж своими довольно фривольными выступлениями.

– Говорят, она зарабатывает огромные деньги, – заметил Джорджо и на мгновение прижал кончик языка к верхней губе. – И вроде бы сменила юбку из бананов на совсем маленькую юбочку из розовых перьев.

– То есть она танцует совсем обнаженной, если не считать перьев? – Киттен в шоке распахнула глаза.

– Потаскушка, вот кто она такая, – бросила мама, и ее ноздри гневно затрепетали.

– Современная молодая женщина и сама зарабатывает себе на жизнь. Молодец – все, что я могу сказать, – возразила Стелла и подняла бокал с шампанским, но быстро поставила его обратно, поймав яростный взгляд мамы.

– У нее уже было двое мужей, а теперь, по слухам, еще и любовник. И как назвать такую... леди, спрашиваю я вас?

– Именно поэтому она и может танцевать на сцене в одних лишь перьях. Если бы она не побывала замужем, ей бы этого не позволили, – тихо произнесла Киттен. – Папа говорит, что брак – это единственный способ для женщины обрести свободу, особенно в Париже. Все эти эмансипе... вертихвостки... папа утверждает, что в действительности они совсем не свободны.

– Должно быть, танцевать в чем мать родила – значит ощущать настоящее освобождение, – фыркнул Джорджо и достал сигарету. – Особенно если берешь за это несметные деньги. Можно ли быть более свободной?

– Что за вздор! – Стелла, с горящими глазами, ткнула воздух вилкой. – Сейчас у женщин появилась настоящая возможность получить свободу. Посмотрите на парижанок – они рисуют, пишут, танцуют. И не все они замужем.

– Bravo, Стелла! – воскликнула я и захлопала в ладоши.

Стелла была, по словам мамы, «языкастая». Еще одна ее черта, которой я восхищалась и завидовала. Мне захотелось рассказать всем о своих взглядах и опыте, о том, какой свободной чувствуешь себя, когда забываешь обо всем и танцуешь, словно растворяешься в движении, и не важно, бедна ты при этом или богата, одета или раздета... но Джорджо меня опередил.

– А еще говорят, что она каждый день получает сотни предложений руки и сердца. Может, мне тоже стоит попытаться? Что скажешь, Эмиль? – Он повернулся к Эмилю и хлопнул его по плечу.

– Я согласен с Киттен. Брак – это тот фундамент, на котором строится наше общество, и это в самом деле единственный путь к свободе. Так считаем мы, евреи. Все держится на браке. Но я не уверен, что это относится к женитьбе на миссис Бейкер. – Рука Эмиля нашла под столом мою руку, и он пощекотал ее большим пальцем. – А вы что думаете, мистер Джойс?

Краем глаза я увидела, что мама ерзает на стуле, уставившись на свой бокал с шампанским. Баббо рассеянно гладил бороду, снова и снова проводя по ней пальцами, и так же, как мама, задумчиво смотрел на блюдо с пустыми устричными раковинами.

– Брак, религия... обычаи и условности. Это оковы, которые должны быть сброшены.

– Не обращайтесь внимания на Джима. Много он знает об оковах. – Мама коротко вздохнула, словно гнев и раздражение совсем лишили ее сил.

Я вопросительно взглянула на Джорджо, но он рылся в карманах в поисках зажигалки; в его губах торчала незакуренная сигарета.

– Нельзя сказать, что свобода женщины и институт брака несовместимы. Но также нельзя отрицать и главенствующую роль семьи. Взять хотя бы вас, Джойсов. – Стелла взмахнула рукой над столом, который был уже в полном беспорядке: полупустые бокалы тут и там, скатерть усыпана крошками хлеба и пеплом. – Вы женаты уже так много лет и беззаветно любите Люцию и Джорджо. Были бы они столь же талантливы и умны, если бы вы не поженились?

– Мы бы гнили в сточной канаве. – Джорджо подавил зевок, прикрыв рот кулаком, и подмигнул мне. – Но вместо этого мы – восходящие звезды сцены, не так ли, Люция?

– Ну, мое мнение такое: эту миссис Жозефину Бейкер следует запереть где-нибудь, и покрепче. В Ирландии-то она уж точно сидела бы за решеткой. – Мама отодвинула бокал и упрямо покачала головой.

– Я придерживаюсь того же мнения, Нора. Абсолютно согласен, – пробормотал баббо в узел галстука так тихо, что его услышала лишь я.

Эмиль вскочил со стула.

– Довольно этих разговоров о тюрьмах и сточных канавах! Предлагаю еще один тост в честь нашей прекрасной, талантливой Лючии! – Он поднял бокал, и все остальные последовали его примеру, на разные лады выкрикивая мое имя.

В то мгновение я и увидела *его*. Он стоял на улице, так близко, что его нос почти касался стекла, и заглядывал в окно. Его глаза горели от любопытства. Поначалу мне показалось, что он смотрит на баббо, но очень скоро его взгляд переместился на меня. И в эти доли секунды случилось нечто поразительное. Когда наши глаза встретились, между нами будто пробежала искра. Нет, не искра, а мощный поток электричества. Мое сердце яростно дернулось в груди. Затем он склонил голову, чуть сгорбился и исчез в темноте бульвара. Я почувствовала, что Эмиль снова опустился на стул и прижал свою ногу к моей.

– На что она уставилась? Лючия? Лючия! Мы тут все пьем за твое здоровье, а ты глазеешь в окно, и вид у тебя как у одержимой. – Мама в отчаянии закатила глаза.

Баббо нахмурился и вскинул ладонь.

– Тише, Нора. У нее момент ясновидения. Тише все! Моя Кассандра что-то узрела.

– Просто... кто-то смотрел на меня через окно, – неловко объяснила я, все еще изумленная и оглушенная тем, что произошло, пронзительным взглядом этих глаз, тем, как скакнуло мое сердце. Я с деланным пренебрежением махнула рукой и обернулась к Эмилю в надежде, что это отвлечет папу о разговорах о Кассандре.

– Это один из твоих новых поклонников, я уверена! – воскликнула Киттен, рассмеялась и стиснула мое плечо. – Придется тебе теперь терпеть их, Лючия. Не сомневаюсь, что у входа уже выстроилась очередь за автографами.

Будет ли он стоять у дверей? Мужчина с яркими, как у птицы, глазами, и носом, похожим на клюв, и острыми, как ножи, скулами? Нет. Он растворился во тьме. Я очнулась. Все смеялись над какой-то остротой баббо – все, кроме Эмиля, который шептал мне в ухо:

– У тебя будут тысячи поклонников! *Тысячи!*

Баббо завел речь о неоспоримой связи между танцами и ясновидением и рассказал о некоем неизвестном африканском племени, члены которого танцевали до тех пор, пока им не являлось будущее. Я чувствовала на себе его взгляд, но не могла сосредоточиться на словах.

– И спорю на что угодно, они тоже пляшут полуголыми, – вполголоса добавила мама, и все снова расхохотались.

Но я думала только о мужчине, что смотрел на меня с улицы. Странное ощущение беспокойства овладело мной – будто внутри у меня что-то сдвинулось и в душе поселилось какое-то непонятное мне самой предчувствие.

Сейчас, вспоминая об этом здесь, в Альпах, где воздух так холоден и чист, я понимаю, что была права. Тогда все это казалось невероятным, но где-то глубоко, в солнечном сплетении или еще глубже, и принялся разматываться этот клубок. Все началось в ту самую секунду.

Глава 2

Ноябрь 1928 года

Париж

– Вчера вечером Эмиль просто глаз не мог от тебя оторвать. – Киттен поднялась на цыпочки и потянулась, так что мускулы на ее икрах напряглись и стали напоминать узлы на корабельных канатах. – Он отличная партия, Лючия.

– Ты имеешь в виду, из-за его денег? – Я положила ногу на станок и склонилась к ней, достав рукой до мыска, так что немного заболели мышцы.

Бледный, почти зимний свет проникал в окна, ложась косыми квадратами на паркетный пол балетной студии. Другие танцовщицы тоже разогревались, кружились и смотрели на свое отражение в огромном зеркале, которое занимало всю стену. Мы ждали учителя.

– Папа говорит, что семья Фернандес очень богата. Но нет, я не об этом. Мама сказала, что Эмиль может стать вторым Бетховеном. Только представь себе! Он мог бы сочинять для тебя целые симфонии! – Киттен откинула голову, покрутила плечами и мечтательно вздохнула.

– Да, он очень талантлив, но не думаю, что он второй Бетховен, – возразила я.

Кузеном Эмиля был не кто иной, как Дариус Мийо, один из самых знаменитых композиторов Парижа, известный своими эксцентричными сочинениями, в которых дерзко смешивались классика и джаз. Эмилю ужасно хотелось стать таким, как он, и он часто с увлечением рассказывал о своем намерении соединить строгость Баха с энергичностью джазовой музыки. Что, если мама Киттен права? На секунду я почувствовала гордость за него. У меня даже перехватило горло.

– По правде говоря, мне очень нравится с ним работать. Он один из немногих композиторов, который не имеет ничего против того, чтобы его музыка подчинялась моей хореографии. Более того, он только счастлив. Обычно они все считают, что подстраиваться должен балет, что он – на втором месте. – Я резко встряхнула кистями.

– О... мне кажется, тут дело не только в работе. – Киттен взглянула на меня сверху вниз, не меняя позиции; на ее губах, покрашенных в самый модный оттенок – розового бутона, – играла понимающая улыбка.

– Что ж, признаю – он мне очень симпатичен. На прошлой неделе он отвез меня в Булонский лес на своей новой машине, и мы целовались. – Мне вспомнился его колючий подбородок, и то, как его усы щекотали мой нос... и как его нетерпеливые руки забрались мне под платье.

– И... это было хорошо, дорогая? – Киттен приподняла голову, расправила плечи и развела руки, словно приготовившись принять в объятия мое следующее откровение.

Но раздался звук фортепиано, и все танцовщицы развернулись. В студию плавной походкой вошел месье Берлин, в белом костюме-тройке и белых лайковых перчатках, и серебряным набалдашником своей трости слегка постучал по крышке инструмента. Я с облегчением выдохнула – мне не пришлось разочаровывать Киттен и признаваться в том, что торопливые, слишком настойчивые объятия дрожащего от страсти Эмиля не вызвали у меня никакого ответа. Я осталась совершенно холодна и не на шутку расстроилась. Мне бы хотелось испытать те же ощущения, что и развратные парижские вертихвостки. Однако вместо этого я почувствовала лишь ледяную пустоту в животе и еще довольно неприятную вещь – будто мои внутренности сжались, словно пальцы в кулак.

– В третью позицию, – скомандовал месье Берлин. – Разведите руки, поднимите ладони и потянитесь.

- У меня предчувствие, что Эмиль сделает тебе предложение, – шепнула Киттен.
- Не говори глупостей! Я бедна, у меня косят глаза, и я не еврейка.

Я чуть раздвинула пальцы и вытянулась вверх, как могла, выше, выше, пока у меня не заныли все мышцы и сухожилия. Но от слов Киттен по спине у меня пробежали мурашки. Возможно ли, что Эмиль действительно относится ко мне подобным образом? Что его страсть настолько велика? Мне вдруг представился его огромный дом с каменным, кремового оттенка, фасадом и затейливыми балконами под каждым окном с голубыми ставнями. Искусно расставленные повсюду цветы и развешанные картины, написанные толстыми, сочными мазками, что так нравились его матери. Его тетушки и сестры, которые восхищались мной и охали и ахали над каждым моим движением, словно я – очаровательный щенок, которого только что принесли домой. И сам Эмиль... его пальцы, бегающие по клавишам фортепиано, его живость и веселость, его нежные, влюбленные глаза.

– Очень хорошо, мисс Джойс, задержитесь в этом положении. – Месье Борлин постучал тростью о пол. – Класс! Пожалуйста, посмотрите на мисс Джойс. Отметьте позицию ее ног – как правильная постановка стоп помогает ей удержать равновесие. И изящество ее рук.

– Думаю, ты не права, – прошептала Киттен. – Мне кажется, Эмиль любит тебя. Почему бы и нет, собственно говоря? Ты красива, ты одна из самых талантливых танцовщиц Парижа, ты добра и умна. А твой папа – самый выдающийся писатель в мире.

– Первая позиция. Поднимите руки и тянитесь вверх... еще выше! Выше, говорю я! – рывкнул месье Борлин, на мгновение перекрыв мощным голосом мелодию, что выводил аккомпаниатор. – Теперь поднимите левую ногу... выше... выше! – Он сильно ударил тростью по мазутной печи, отчего та выпустила в воздух столб черного дыма. – И... вращайтесь!

Мои ноги горели, а над верхней губой выступили капельки пота. И тем не менее я обожала это предельное напряжение мускулов, контроль над собственным телом, то, как все мои члены двигались в совершенной гармонии, а мысли отступали, и в голове не оставалось ничего, кроме музыки и меня.

– Эмилю невозможно отказать, дорогая. – Киттен повернула голову в мою сторону. – Он такой веселый, всегда улыбается. И довольно привлекательный... этаким иудейский тип внешности.

– Иудеи не женятся на не-иудейках. Особенно на тех, отец которых известен на весь мир своим богохульством и к тому же не имеет ни гроша в кармане.

Я старательно не сводила глаз со своей левой ноги, мысленно приказывая ей оставаться в нужной позиции. К тому же это помогало мне избежать взгляда Киттен. Несмотря на все усилия, на меня нахлынули мириады самых разных мыслей, однако я попыталась их отогнать.

– Отлично, мисс Джойс. Тяните мысок, мисс Нил. Еще! Больше! – Месье Борлин коснулся кончиком трости левой ступни Киттен. – Трудитесь, мисс Нил, трудитесь.

Когда он отошел от нас, Киттен заговорила снова:

– А как Джорджо? Уж он точно не смотрел на меня весь вечер.

– Он очень устал. Все его уроки пения. Баббо твердо вознамерился сделать из Джорджо знаменитого оперного певца. Он сам хотел им стать до того, как начал писать.

Я взглянула на свою левую ногу, все еще удерживая ее в воздухе. Мне бы хотелось, чтобы Джорджо избрал себе другое поприще. Как жаль, что этого не случилось. Я вспомнила день, когда мы оба записались в одну и ту же школу музыки, через месяц после нашего прибытия в Париж. Баббо настоял на том, чтобы мы не прекращали петь всю дорогу до школы – даже в трамвае. Еще через несколько месяцев я решила, что в семье Джойс слишком много подающих надежды оперных певцов, и бросила уроки. Но Джорджо остался, сказав, что пение – это единственное, что он умеет делать.

– Держу пари, учитель пения Джорджо и вполнину не такой требовательный, как месье Борлин. – Киттен медленно опустила ногу. Ее лицо покраснелось и было усеяно жемчужинками пота.

– Прекрасно, расслабьтесь. Теперь мы поработаем над импровизацией. Представьте себе, что вы – портрет художника-кубиста. Сделайте так, чтобы ваше тело походило на квадрат, прямоугольник, ломаную линию – все, что угодно. Я хочу, чтобы вы ощутили радость музыки Дебюсси, ее дух, ее ритм и экспрессию. – Месье Борлин несколько раз шумно втянул воздух, как будто пытался удержать в носу мелкий камушек. – Внимательно вслушайтесь в геометрию музыки. Отрадите ее в ваших движениях. В этом и заключается красота свободного танца. *Современного танца!*

Я выгнулась назад и обхватила щиколотки, втянув в себя грудь и живот, стараясь сделать так, чтобы не выступали ребра. Шмыгая носом, месье Борлин проговорил:

– Прекрасный треугольник, мисс Джойс! Здорово! Если вы еще не изобразили фигуру, взгляните на треугольник мисс Джойс!

Расхаживая по студии, он то и дело легонько тыкал танцовщиц кончиком трости и выкрикивал указания.

– Позвольте музыке течь сквозь себя. Она подскажет вам, какую форму принять... Очень хорошо, мисс Нил.

Я стояла, прижавшись лбом к полу, дыша глубоко и медленно. И думала об Эмиле и о том, что сказала Киттен. Конечно, Эмиль никогда на мне не женится, но всегда приятно, когда тебя обожают. И слова «мадам Фернандес» звучат так славно... гладко и округло. Почему-то они напоминали мне эллипс.

А затем я подумала о мужчине с яркими и пронзительными птичьими глазами, и в груди у меня поплыло. Стоит ли сказать Киттен, что вчера у меня появилось некое неясное предчувствие? Она верила в мою способность видеть будущее почти так же безоговорочно, как и баббо. Но нет – даже Киттен решит, что это просто смешно. Всего лишь мимолетный взгляд незнакомца через окно! Но я помнила, как странно дернулось у меня сердце. Много лет назад, когда баббо впервые провозгласил меня «своей Кассандрой», мама зло язвила каждый раз, когда у меня случались эти «особые моменты». И каждый раз я рассказывала баббо о необычных физических ощущениях, которые их сопровождали. Он всегда взмахивал рукой, в которой держал оловянный нож для разрезания бумаги, и говорил хриплым от волнения голосом: «Ну теперь-то ты ей веришь, Нора?»

Я решила, что ничего не скажу Киттен и вообще не буду больше думать о своих предчувствиях. Иногда мне казалось, что они лежат у меня внутри, как тяжелые камни. Я закрыла глаза. Разрешила музыке войти в себя и свободно струиться сквозь мое тело. Словно сквозь сон я слышала стук трости месье Борлина, его фыркание и замечания, звуки фортепиано, гудение печки. Спустя некоторое время я снова открыла глаза.

– Маргарет Моррис из Лондона устраивает мастер-класс по своей системе движения на следующей неделе. Пойдем? В Англии от нее все без ума. – Киттен посмотрела на меня из-под локтя, и мне показалось, что у нее странный, блестящий взгляд, словно она плачет. Но через мгновение она моргнула, и я подумала, что, должно быть, ей в глаза просто попала пыль.

– О, с огромным удовольствием, Киттен. И у меня возникла новая идея для танца, который я хочу поставить. Хочешь, я покажу тебе после занятия?

Да, новый танец постепенно складывался у меня в голове. Вдохновившись стихотворением Китса, я хотела включить в него радугу и, возможно, что-то из плясок примитивных племен, чтобы помочь баббо с его книгой. Я мечтала создать танец дикой, исступленной радости, от которого зрители в напряжении сидели бы на краешках кресел. Это был довольно честолобивый и смелый замысел. В нем должны были участвовать несколько танцовщиц, каждая представляла бы собой полоску радуги и была бы наряжена в определенный цвет. Мне виделось,

как они сплетаются между собой, завязываются в цветные узлы, а потом рассыпаются по сцене и тихо кружатся, как крылатые семена платана, медленно падающие на землю. Пока еще я не обсуждала это с Эмилем, но надеялась, что он сочинит для меня музыкальное сопровождение, с четким ритмом, настойчивым, беспокойным, создаваемым несколькими барабанами.

– О да, конечно! Понятия не имею, откуда ты берешь все эти идеи. У меня они никогда не появляются.

Ее голос заглушил гнусавый баритон месье Борлина:

– Дыхание! Дыхание! Не забывайте следить за дыханием!

Танец был ключом ко всему, ответом на все вопросы. Что бы ни преподнесла нам жизнь, мы должны продолжать танцевать.

Глава 3

Ноябрь 1928 года

Париж

– Отнеси им выпить, Лючия. Времени-то уже больше пяти. – Мама вручила мне бутылку охлажденного белого вина и два бокала. – Он читает без передыху два часа подряд. У бедного парня, должно быть, совсем в горле пересохло.

– А кто там – мистер Макгриви или мистер Макэлмон? – поинтересовалась я. Последние две недели они по очереди приходили читать баббо. Мне бы хотелось, чтобы сегодня это был мистер Макгриви. Он был не таким кичливым, как мистер Макэлмон.

– Ни тот ни другой. А теперь давай-ка поднимайся и отнеси им это вино, а не то они улизнут в кафе «Франсис» и просидят там всю ночь.

– Я не могу сдвинуться с места. Сегодня занималась восемь часов. Мы репетировали танцы для фильма – помнишь, я тебе говорила, – и у меня безумно болят ноги. Я хромала всю дорогу домой. – Я показала маме ногу – клочки кожи свисали с пальцев, похожие на пластины грибов.

– О, только не жалуйся. Некого тут винить, кроме самой себя. Он очень привлекательный. – Она кивнула в сторону кабинета баббо. – Ирландец. Говорит и по-французски, и по-итальянски, и уж не знаю еще по-каковски. Мало кто из ирландцев на такое способен.

– Как его зовут? – Я съехала на краешек дивана, пытаюсь встать.

– Имя я не запомнила. Слишком много народу вертится вокруг твоего отца. Ловят каждое его слово. Бог их знает, откуда они все берутся. – Мама вздохнула, села и принялась листать журнал мод. – Да... Если бы сам Господь Бог спустился на землю, то и он уселся бы печатать эту самую книгу, которую пишет отец.

На полу кабинета баббо были разбросаны ирландские газеты. По всей комнате там и тут были расставлены высокие стопки книг – просто чудо, что они не падали. Баббо был в своем белом пиджаке, который делал его похожим на дантиста; он сидел в привычной ему позе: ноги скрещены, ступня прикрыта той ногой, что сверху. Напротив него, словно отражение в зеркале, устроился высокий худощавый молодой человек, точно копируя позу баббо, – даже его ноги были скрещены на тот же манер. Он читал вслух что-то из «Ада» Данте.

Я узнала его сразу же, как он поднял голову. Мужчина за окном ресторана. От неожиданности я даже подумала, что ошиблась, но, тщательно всмотревшись в его лицо, осознала: это действительно он. Только теперь его глаза напоминали сине-зеленые бездонные озера. На нем были такие же круглые очки в тонкой оправе, как и у баббо, но, разумеется, с более тонкими линзами, и серый твидовый костюм. Когда он взглянул на меня, я поняла, что он тоже узнал меня.

– А, белое вино. Отлично. – Баббо встал и принял у меня из рук бутылку и бокалы. – Это моя дочь Лючия, – сказал он и, повернувшись ко мне, добавил: – Мистер Беккет совсем недавно приехал сюда из Германии. Мы должны помочь ему немного освоиться, как ты считаешь?

– Да, разумеется. Где вы остановились, мистер Беккет? – Я пыталась говорить спокойно и ровно, но не могла подавить дрожь, и мне не хватало воздуха.

– При университете. «Эколь Нормаль»⁴ на рю д'Ульм. Я там преподаю. – Он говорил с мягким ирландским акцентом, от которого, казалось, вибрировал воздух в комнате.

– И... там хорошо?

– Вода вечно холодная, а кухня кишит тараканами. Но библиотека великолепна, и, кроме того, у меня есть кровать и пара полок. – Он, не моргая, смотрел на меня несколько секунд, затем опустил взгляд, и я заметила, что щеки его слегка запунцовели. Лишь позже, когда я сама успокоилась, мне пришла в голову мысль: был ли он так же поражен нашей встречей и не мог совладать с собой?

– Не беспокойтесь о тараканах, мистер Беккет. В Париже полно мест, где можно прилично поесть. Почему бы вам не отужинать сегодня с нами? Мы пойдем в «Фуке». Лючия, беги и скажи своей матери, что мы идем в «Фуке» и мистер Беккет будет нашим гостем.

Мама крутилась перед зеркалом.

– Эту шляпу или черную, Лючия?

Ее слова повисли в воздухе, как дым. Я почти не слышала ее. Я, не отрываясь, смотрела в окно, в направлении рю д'Ульм. Последние листья еще цеплялись за ветви деревьев; уличные фонари под ними отбрасывали неровные круги света на мощенную булыжником мостовую. Запах жареных каштанов, которыми торговали прямо с жаровен на рю де Гренель, проникал сквозь плохо подогнанные оконные рамы, но я едва ли замечала и это. Я передвигалась словно во сне, не чувствуя под ногами пола. Куда бы я ни поглядела, везде передо мной вставало лицо мистера Беккета. Я видела его скулы в рисунке голых ветвей, в набухающем тучами небе отражались его глаза. Мою кожу будто покалывали тысячи иголок, я ощущала себя необыкновенно легкой, и в то же время мне было ужасно тесно. Я постоянно безмолвно повторяла его имя, снова и снова. Мистер Беккет. Мистер Беккет. Мистер Беккет.

– Лючия! Да что с тобой стряслось, боже праведный! Ты не слышишь меня, что ли? Да я будто сама с собой тут разговариваю! Я решила: надену черную шляпу. Она больше подходит к моему пальто. – Мама заправила за уши мягкие локоны. – Девочка, на что ты там уставилась? Иди и найди свою шляпу и перчатки!

Дверь кабинета баббо открылась, и передо мной предстал мистер Беккет. Он смущенно улыбался, а его глаза, казалось, мгновенно впитывали все вокруг: греческий флаг, который мы приколоты к стене на удачу, фотографию, где была изображена вся наша семья, в самой лучшей одежде, с чинными и торжественными лицами, стопку книг, приготовленных, чтобы возвратить их в библиотеку мисс Бич. Затем мама и баббо отправились разыскивать трость и шляпу баббо, а мистер Беккет стал расспрашивать меня о «Фуке».

– Там не слишком помпезно? Подходяще ли я одет для такого места?

Его голос чуть-чуть подрагивал, в нем чувствовались тревога и смущение, не проявлявшиеся, впрочем, на его лице. Я оглядела его. Костюм уже протерся на коленях и висел на нем, как на вешалке. На сорочке не хватало пуговицы, а галстук был завязан так туго, что, кажется, угрожал задушить своего владельца.

– Мы в-сегда туда ходим, – запинаясь, пробормотала я. – Это на Елисейских Полях, так что, думаю, мы возьмем такси. – Краска заливала мое лицо, а тело трепетало. Почему я не могла владеть им так, как во время танца? Почему вела себя так глупо? Почему не знала, что сказать?

– У меня есть костюмы получше. – Мистер Беккет опустил глаза.

– Вы выглядите великолепно! – слишком громко и торопливо заверила его я. Наверное, голосом я пыталась заглушить стук собственного сердца. – Просто великолепно!

⁴ «Эколь Нормаль» (фр. *Ecole normale*) – одно из самых престижных высших учебных заведений во Франции

Повернувшись к двери, я спиной почувствовала, как он обводит взглядом мою фигуру. Да, это был крайне удачный выбор – вишнево-красное платье с подолом, украшенным кисточками. Оно подчеркивало изгибы моего тела, тела танцовщицы, и длинные стройные ноги, и грудь в нем выглядела маленькой и плоской, как раз по моде.

Потом он отошел к окну и выглянул наружу. Даже по его затылку было видно, как он напряжен и скован.

– Отсюда прекрасный вид на Эйфелеву башню, мисс Джойс.

Я тоже приблизилась к окну, и мы вместе полюбовались огнями Парижа. Город сверкал и переливался; ярко и зазывно светились окна баров и ресторанов, в лужах дрожало отражение фонарей, там и тут на мгновение ослепительно вспыхивали фары проносящихся мимо автомобилей. И над всем этим сияющая Эйфелева башня направляла наши взоры вверх, к небу. Я вдруг ощутила слабый запах мыла мистера Беккета и тепло его тела – мы стояли так близко друг к другу. И мое сердце все так же оглушительно колотилось о ребра.

– Это большое преимущество – жить на пятом этаже, – произнесла я, и мой голос, казалось, эхом отразился от стен и потолка.

– Какую же чушь ты несешь, Лючия! Все эти треклятые ступеньки, по которым мне приходится карабкаться вверх с покупками, каждый божий день!

Позади нас неожиданно появились мама и баббо. Они держались за руки.

– А, вы наслаждаетесь Эйфелевой башней, мистер Беккет. А Лючия рассказала вам, как однажды мы с ней забрались на самый верх этого ужасного строения?

– Нет, она ничего не рассказывала, сэр. – Мистер Беккет с любопытством обернулся ко мне.

Я открыла было рот, чтобы поведать ему эту историю, но вдруг словно лишилась языка. Точно так же, как и тогда, когда мы с баббо стояли на вершине башни, держались за перила и смотрели вниз, на съезжившийся город. То же самое головокружительное, тошнотворное чувство, накрывшее меня в тот момент, подступило ко мне и сейчас. Я замолчала и задрожала. И мне внезапно захотелось протянуть руку и коснуться мистера Беккета, схватиться за него, как я схватилась за баббо в тот день, уцепиться за его локоть, как я уцепилась за локоть баббо на верхней площадке Эйфелевой башни.

– Эйфелева башня представляется мне неким скелетом, кадавром, тушей диковинного зверя, угрожающе нависшей над нами, – пробормотал баббо и кивнул в сторону окна. Во рту у него торчала сигарета.

– Ничего такого тебе не представляется, Джим, – решительно возразила мама. – Да ты вообще о ней не думаешь. Ты думаешь только об Ирландии, и сам знаешь это лучше меня. А теперь давайте пойдем, а не то нам не достанется столика. Лючия, закрой рот, муху проглотишь. Как бы мне хотелось, чтобы с нами был Джорджо! Его вечно нет дома. Вечно он на этих своих уроках пения. Я попрошу его показать вам Париж, мистер Беккет.

Она потянула баббо за руку к двери и дальше, к лестнице. Я взглянула на мистера Беккета. Мое лицо горело. Кажется, я заметила на его губах тень улыбки, но все, что он сказал, – это лишь:

– После вас, мисс Джойс.

Я сделала шаг, и острая боль пронзила ногу. Но я подумала о мистере Беккете, и она мгновенно исчезла. Как это случилось? Почему мои израненные, измученные ступни больше не горят? Я осторожно наступила на пятку, пытаясь почувствовать мозоли, которые всего минуту назад причиняли мне такие страдания. Ничего. Как будто их и не было. Наоборот, ноги были легкими, я словно не шла, а парила над лестницей, следуя за баббо, ступая в такт металлическому постукиванию его трости о каменные ступеньки.

И вдруг я все поняла. Это было предзнаменование! Знак! Я вспомнила, как впервые увидела мистера Беккета сквозь окно ресторана. Как встретились наши взгляды, как мощная

волна притянула нас друг к другу, искру, ослепившую нас, толчок моего сердца – все, что невозможно было объяснить. И ведь баббо тогда заметил, что у меня «момент ясновидения». И поднял руку, будто жрец, призывая всех замолчать. Он тоже почувствовал это – судьбоносную силу того мгновения. Неужели мистер Беккет – мое предназначение? Может ли быть так, что наши жизни будут связаны воедино навечно?

В «Фуке» официанты тут же засуетились вокруг баббо, сражаясь за право принять у него трость или шляпу, сопроводить к «его» столику, предложить меню. Мистер Беккет взглянул на меня, удивленно подняв брови, и я, улучив секунду, склонилась к нему и шепнула:

– Он известен своими щедрыми чаевыми... они всегда прыгают возле него, словно обезьянки в цирке.

Мистер Беккет, кажется, изумился еще больше.

– Это все его богатые покровители, – пояснила я. – Мы были очень бедны, но теперь некий богатый американец и еще одна не менее состоятельная английская леди каждый месяц присылают нам деньги. Поэтому мы можем ужинать в ресторане когда нам только вздумается.

Я не стала говорить, что тратились эти деньги беззаботно и нам постоянно приходилось просить еще и еще.

Мистер Беккет бегло осмотрелся и, увидев, что мама и баббо разговаривают с какой-то парой у бара, повернулся ко мне и спросил:

– В самом деле, мисс Джойс?

Я кивнула, собираясь рассказать ему о нашей квартире на Робьяк-сквер, о том, как восхитительно, что у баббо теперь есть свой кабинет, а у меня – отдельная спальня, и как это невероятно – иметь собственный телефонный аппарат, и электрическое освещение, и ванну с медными кранами, но он быстро переменял тему:

– Ваш отец говорит, что вы очень талантливая танцовщица, мисс Джойс.

– Я танцую дни напролет. Каждый день. – Я сняла шляпу и встряхнула волосами. Сейчас, когда я почти уверилась в том, что мистер Беккет – мое будущее, что сам рок соединил наши жизни, мое волнение и нервозность постепенно улеглись. – Я собираюсь стать профессиональной танцовщицей. Танец – это самое прекрасное, что есть на свете. Это божественно. Вы танцуете, мистер Беккет?

Он покачал головой.

– Я могу обучить вас чарльстону. Или банни-хаг?

У меня перед глазами мелькнул образ: я в объятиях мистера Беккета, моя рука в его руке, моя кожа касается его, наши бедра покачиваются в такт, и воздух между нами раскален, будто мы находимся посреди горящего леса.

– Я научила танцевать чарльстон всех друзей баббо, – добавила я, отметив его одобрительный взгляд.

– А мистер Джойс тоже танцует чарльстон? – поинтересовался он и снова нашел глазами баббо, который все еще был занят беседой с кем-то у бара.

– Ему больше по душе ирландская джига, – ответила я. – Не говорите, что вы не умеете танцевать, мистер Беккет. Любой, кто слышит музыку и откликается на нее, может танцевать. Вы любите музыку?

– Я обожаю музыку. – Мистер Беккет откашлялся и понизил голос. – Прошу вас, называйте меня Сэмом.

– О, у нас в семействе Джойс с этим очень строго. Очень по-ирландски, я полагаю. Отец настаивает на формальном обращении. Но, может быть, когда мы окажемся наедине...

Мистер Беккет... Сэм... уставился на меня во все глаза. Был ли он поражен моим предложением встретиться наедине или старомодными порядками, принятыми в нашей семье?

– Это хорошая мысль. – Он медленно кивнул, поправил очки, и я заметила, что его щеки снова порозовели.

– Вы, видимо, ожидали, что мой отец более современен? Вас удивляет, что Великий Писатель, сломавший все законы прозы, не может и не желает переступить через правила этикета, мистер Беккет? – Я тоже понизила голос и добавила: – Сэм. – Это прозвучало так необычайно сладостно, что я несколько раз проговорила про себя: «Сэм, Сэм, Сэм».

– Думаю, да, – признался он и посмотрел на моих родителей, которые, держась за руки, пробирались к нам.

Тогда я впервые осознала, что у него очень необычный взгляд: застенчивый и упрямый одновременно, к тому же какой-то мятущийся, однако это беспокойство не имело ничего общего с нервностью.

– О да, большинство парижан очень богемны, – живо подтвердила я. – Уверена, вы уже слышали все эти истории. Но мои родители никак не могут избавиться от пережитков ирландского воспитания. – Я не стала сообщать мистеру Беккету, что они всегда предпочитали быть дома к девяти вечера, и мама никогда не разрешала мне ходить на похороны. Мне подумалось, что с этими привычками и суевериями ирландцев он и так прекрасно знаком.

– Сколько вам лет, мисс Джойс... если мой вопрос не покажется вам слишком дерзким? – Его лицо было так близко, что я чувствовала его дыхание на своей щеке, теплое и сухое, как дым.

– Мне двадцать один. А вам?

– Двадцать два, – ответил он и взглянул на меня так, словно моя кожа была совсем прозрачна и он мог видеть, как кровь струится по моим венам.

Подошли мама и баббо в сопровождении целой армии официантов. Стулья были тут же отодвинуты, меню разложены, салфетки разглажены, шляпы, шарфы и перчатки унесены в гардероб. Как только баббо уселся за стол, он сразу засыпал мистера Беккета градом вопросов о Дублине.

– О, ну вот и понеслось, – бросила мама. – Только не начинай вспоминать название каждого треклятого магазина и бара на О'Коннел-стрит. – Она повертела головой, чтобы разглядеть, кто еще из знакомых находится в ресторане. – Глянь-ка, Лючия, ведь это та знаменитая актриса! Матерь Божья! Что это на ней надето? Видела ты в жизни хоть раз такой безвкусный наряд?

Она ткнула меня локтем под ребра, но мне не хотелось отворачиваться от мистера Беккета. Я не испытывала ни малейшего интереса ни к знаменитой актрисе, ни к ее наряду. Мамин голос словно ввинчивался мне в ухо, совершенно заглушая слова мистера Беккета:

– Ты видела ее шляпу, Лючия? Некоторые люди и понятия не имеют, как одеваться. Павлиньи перья... с ее-то цветом лица... боже мой, боже мой!

Я хотела услышать, что говорит мистер Беккет – он и баббо устроились на банкетке напротив, – но из-за шепота мамы и гула других голосов мне никак не удавалось этого сделать.

Я съежилась на стуле. Мне было прекрасно известно, что произойдет дальше. Все эти вечера были так предсказуемы! Баббо и его ирландские соотечественники начнут предаваться воспоминаниям, пить, читать ирландские стихи, а под конец, возможно, даже распевать ирландские баллады или танцевать джигу. Я уже чувствовала себя лишней, исключенной из разговора, но не собиралась так легко сдаваться. Только не в этот раз.

– Я так давно не была в Ирландии, – громко вмешалась я. – Мне бы хотелось туда вернуться.

– Там все не слишком изменилось, – ответил мистер Беккет, и я ощутила, что меня затягивает в эти синие-зеленые глаза, я падаю и тону в них.

– Не дури, Лючия, – одернула меня мама, и я резко обернулась. – Ирландия – настоящее болото и отхожая яма. Все эти хвалебные песни лучше оставь своему отцу. Он споет их за нас обоих.

– Да будет, Нора, – недовольно проворчал баббо. – Возможно, это страна варваров с распятиями в руках, но совсем не отхожая яма.

– Свора попрошайек и ханжей! – Мама вскинула голову. – И конечно, ни о каком возвращении речи быть не может. Тебя бросят за решетку, Джим, и ты хорошо это знаешь.

Баббо мрачно кивнул, а мистер Беккет неловко заерзал. Я судорожно соображала, что бы такого сказать, чтобы разрядить возникшее напряжение. Но мама заметила еще одну актрису и снова принялась что-то шипеть мне в ухо, а баббо, как она и предсказывала, стал припоминать названия баров на О'Коннел-стрит. Я наблюдала за мистером Беккетом из-под ресниц – как серьезно он смотрит и почти торжественно кивает на каждое слово баббо. А потом наши глаза вдруг встретились – и долгую секунду не могли оторваться друг от друга. Все вокруг нас словно ожило – опять то же самое электричество, от которого воздух будто потрескивает и особенно пахнет. Против воли мои пальцы двинулись вперед по льняной скатерти – неведомая сила притягивала их к мистеру Беккету.

– А что «Медная Голова», мистер Беккет? Сильно она изменилась? – Голос баббо разрезал пространство и время. Волшебство рассеялось, острота ситуации спала, и магнетизм, которому только что повиновалась моя рука, исчез.

Я щелкнула пальцами, как будто отменяя вопрос баббо.

– Расскажите нам о своей семье, мистер Беккет. Мы хотим знать о вас все... если только это не слишком бесцеремонно с моей стороны?

И лишь позже, гораздо позже я вспомнила об Эмиле. Целую секунду я даже не могла представить его лицо. А когда представила, то почувствовала себя такой жестокой и бездушной... такой виноватой, что насильно постаралась прогнать его из своей памяти. Далеко-далеко.

* * *

Только следующим вечером я узнала о намерениях баббо относительно мистера Беккета. Я сидела в кухне, а мама бинтовала мои ступни. После еще шести часов репетиций нарывы сочились густым желтым гноем, а мои танцевальные туфли изнутри были выпачканы кровью.

Вошел баббо. Его очки запотели, а галстук сбился на сторону.

– Я так больше не могу, – жалобно произнес он.

– Что теперь случилось, Джим? – Мама сильно дернула бинт.

– Ай! Не так туго, мама, а не то я завтра не смогу надеть балетки, – простонала я.

– Матерь Божья! Ты и твои ноги, твой отец и его глаза! Я уже не знаю, куда мне деваться, вы меня с ума сведете! Где Джорджо? – Она подняла голову, словно ожидая, что Джорджо дома и вот-вот войдет в кухню. Однако Джорджо отсутствовал весь день и всю ночь. Я не говорила маме. Я знала, что ей бы это очень не понравилось.

– Я целый день говорил по телефону с юристами. Незаконно напечатанные копии «Улисса» продаются в Америке и Англии по сорок долларов за экземпляр. – Баббо в отчаянии взъерошил волосы.

– Что ж, деньги нам куда как пригодятся, Джим. И это совсем неплохие деньги.

– Но в том-то все и дело! Мы не получаем с этого ни пенни! Ни единого пенни! И там полно ошибок! Какой-то человек в Америке наживает себе состояние на *моей* работе – *моей изуродованной* работе! – В его голосе звучало настоящее раздражение. Он снял очки и протер их шелковым носовым платком. Его глаза, в красных жилках, с серыми кругами, без привычных стекол, вдруг показались мне особенно усталыми и несчастными. – Я писатель, а не юрист.

Все это очень меня подавляет. Я совершенно пал духом. А вдобавок еще и мистер Макэлмон сообщил, что возвращается в Америку. – Баббо надел очки и тяжело вздохнул. – Кто поможет мне с работой, Нора?

– А миссис Роскошные Портки Флейшман не может тебе помочь? Или она слишком много времени пялится на тебя, вместо того чтобы печатать? – Мама еще раз туго обернула бинт вокруг моей ноги и завязала узлом концы.

– Слишком жмет, – пожаловалась я. – И я ни за что не смогу это развязать. И мне придется жить с этими бинтами всю жизнь.

– Если бы не эти твои танцы, нам не нужно было бы столько денег. Так что перестань ныть, ладно?

Мама встала и начала сердито сматывать бинт. Я невольно возмутилась. С Джорджо она никогда так не говорила, а ведь его уроки пения обходились гораздо дороже, чем мои уроки танцев.

– Никакого чувства собственного достоинства нет у твоей миссис Роскошные Портки Флейшман. Одна еврейская наглость и все такое. – Мама возмущенно фыркнула и замолчала.

– У миссис Флейшман есть достоинства, – возразил баббо. – Она знает всех нужных людей, и восхищается моими трудами, и к тому же она достаточно богата и может себе позволить работать у меня бесплатно.

– Она разводится, Джим! Бога ради... это же позор!

– Я могу тебе помочь. – Я осторожно вытянула забинтованную ступню. Мне не хотелось видеть у нас миссис Флейшман. Было в ней нечто, что вызывало во мне смутное беспокойство. То, как она вплывала в наш дом, в собольем манто на плечах, с сумочкой из змеиной кожи, болтающейся на запястье, с отрепетированной улыбкой дружелюбия на малиновых губах... ее воркующий голос, «милые» гримасы и попытки изобразить умную женщину, каковой она на самом деле ни капли не являлась.

– Ты и так делаешь для меня более чем достаточно, Лючия. Пишешь за меня письма, постоянно бегаешь в библиотеку. Возможно, если бы ты меньше танцевала на публике... Если бы только дома... – Баббо умолк.

– Господи, спаси нас и помилуй! Я не стерплю, если она будет целыми днями мотаться у меня под ногами. Вы двое, клянусь, таки доведете меня до сумасшедшего дома, если будете постоянно балаболить о своих предзнаменованиях и радугах.

– Ты могла бы переплестать книги, Лючия. – Баббо прислонился к дверному косяку, глядя куда-то вверх моей головы. Его тонкие пальцы теребили галстук.

На минуту я решила, что он шутит. Сейчас он разразится тонким серебристым смехом, и я присоединюсь к нему, и мы позабудемся над этой немного чудной остротой. Мама водрузила на плиту чайник и принялась расставлять чашки и блюда. Все молчали.

– Переплестать книги? – Я поднялась и попыталась пройти по кухне, хромя и подпрыгивая от боли. То, что сказал баббо... но ведь это же нонсенс! Ему нравятся мои танцы. Они его вдохновляют – все это знают. Неужели он действительно предпочел бы, чтобы я сделалась переплетчицей? И сама зарабатывала себе на жизнь... В этом все дело? Или он хотел бы, чтобы я переплетала *его* книги? Я сердито повернулась к нему, готовая упрекать, обвинять, но слова застряли у меня в горле. Я вдруг все поняла. Какая же я глупая! Он не хотел, чтобы я танцевала для кого-то еще. Вот почему он предложил мне делать это дома, а не на сцене. Он желал, чтобы я принадлежала только ему.

– Переплетчица – это прекрасная профессия для юной леди. То есть для юной леди, которая намеревается приобрести профессию. – Он кашлянул. Я хорошо знала: *этот* кашель означает, что разговор окончен и обсуждаемая тема закрыта. – Нет, Нора, мне необходима помощь человека, который понимает мою работу. У Макгриви недостаточно времени. Он теперь постоянно занят преподаванием.

– Вот это жалость так жалость. Мистер Макгриви всегда такой сдержанный. А что насчет этого мистера Беккета? Не может ли он помочь?

Я едва не задохнулась от волнения. В одну секунду все мои тревоги из-за того, что мне, может быть, придется стать переплетчицей, испарились. Я села и крепко ухватилась за подлокотники кресла. Мистер Беккет на Робьяк-сквер. Мистер Беккет, работающий с баббо. Был ли это очередной знак? Богини судьбы неумолимо сводили нас вместе.

– Ах да, мистер Беккет. Эта мысль приходила мне в голову. Ему придется отложить свой труд о Прусте. И конечно, я не смогу ему платить. – Баббо закурил сигарету, и, на мгновение освещенное огоньком спички, его лицо стало как будто ярче, глаза прояснились. – Да, мистер Беккет. Разумеется, он на это способен. Эрудит. Прекрасно мыслит. Как он тебе показался, Нора?

– Он не очень-то много говорил, не так ли? Больше слушал тебя. Ловил каждое твое слово, как и все они. – Мама подвинула ко мне чашку. – Что такое, Лючия? У тебя такой вид, словно ты привидение узрела. Выпей чаю. Отличный чай. Горячий, крепкий.

– Мне мистер Беккет понравился, – стараясь не выдать своих чувств, произнесла я. – Он очень умен, не правда ли?

– И мало улыбается. Очень серьезный, это уж как пить дать, – добавила мама. – Мистер Макгриви всегда заставляет меня смеяться. У него прекрасное чувство юмора и такие хорошие манеры. Никогда еще не было, чтобы он не заметил мою новую прическу или шляпку.

– Итак, я попрошу юного Беккета. В самом деле. Так я и поступлю. Большинство молодых – и не только – людей сочли бы за огромную честь, даже счастье, помочь мне в работе. – Баббо сжал губы, будто пытаясь скрыть улыбку. – И если он понравился Лючии, уверен, он понравится и всем нам. Несмотря на то что он не обладает очарованием и прекрасными манерами, как наш старый добрый друг мистер Макгриви.

– Кстати, об очаровании. Твой знакомый, композитор, заходил к нам сегодня, Лючия. Искал тебя. Такой взволнованный. Но я сказала ему, что ты слишком занята танцами, чтобы думать о ком-то еще. – Мама бросила на меня многозначительный взгляд.

– Эмиль? Мистер Фернандес? – Я ожидала, что, как всегда при звуке имени Эмиля, по телу моему пробежит сладкий трепет, но ничего не произошло. Передо мной лишь довольно смутно предстало его милое лицо, и еще я как будто услышала первые аккорды его последней композиции, под которую с такой эйфорией танцевала. Но все это почти сразу же испарилось. Я ощутила укол совести, но уже через доли секунды мои мысли снова вернулись к мистеру Беккету. Мистер Сэм Беккет на Робьяк-сквер, каждый день. Моя судьба, мой жребий – как же быстро все движется!

– Ну да, мистер Фернандес, конечно, это был он. Шикарно одетый, между прочим. В пальто из твида лучшего качества. У этих евреев столько денег, они могут позволить себе швырять их направо и налево. – Мама тяжело поднялась и, вздохнув, направилась к раковине. – Когда ты собираешься попросить мистера Беккета начать работу, Джим?

– Я отправлюсь к нему прямо сейчас. Сию же минуту. Тебе придется пойти со мной, Нора. Мои глаза сегодня так плохи, что я едва ли вижу на ярд вперед. – Баббо тоже встал и оправил жилет. – Не хочешь ли с нами, Лючия?

Я грустно посмотрела на свои распухшие ноги, обмотанные бинтами.

– Не глупи, Джим. Девчонка не может и шага ступить! Положи ночью ноги повыше, Лючия. Нужно, чтобы они хорошенько отдохнули, а не то тебе уже никогда не придется танцевать. Чаю выпьешь, Джим?

– Нет времени. Я должен нанять мистера Беккета как можно скорее. Нужно ковать железо, пока оно горячо, Нора. Мистер Беккет необходим мне, как воздух. Не найдешь ли ты мою шляпу и трость? И поторопись, Нора! Поторопись! – Вытянув перед собой руки, баббо двинулся к двери.

– Матерь Божья! Да что ж мне, и чай не допить? – Мама с театральным отчаянием вскинула руки. – Скажи Джорджо, что в кладовой лежит отличный кусок мяса, Лючия. И поджарь его для брата. С луком и картофелем.

Я услышала, как удаляются вниз по лестнице их шаги, проковыляла к плите и снова поставила чайник на огонь. Мысли метались в голове, словно маленькие вихри: что, если мистер Беккет и вправду станет работать на Робьяк-сквер; Эмиль... а как же Эмиль; баббо и его возмутительное предложение заняться переплетением книг... я все еще сердилась на него. И все лишь потому, что я не должна танцевать для кого-то другого! Почему и мама, и баббо как будто бы ощущают какую-то неловкость из-за того, что я выступаю на сцене? Их восхищало то, что Джорджо будет петь перед большим залом. Почему же они не чувствовали ничего подобного в отношении меня?

Меня вдруг охватило неодолимое желание танцевать. Сделать это как следует мне мешал толстый слой бинтов, но я опустилась на пол и исполнила джазовую импровизацию, извиваясь и раскачиваясь, ломая руки и разрезая воздух ногами. К тому времени, как закипел чайник, издавая пронзительный свист, я немного успокоилась. Отмеряя чай и заливая его кипятком, я думала только о мистере Беккете. Пожалуйста, Господи, молила я, пусть мистер Беккет согласится работать с баббо... пожалуйста, Господи...

Глава 4

Ноябрь 1928 года

Париж

Первой, кому я во всем призналась, была Киттен. Мы только что закончили двухчасовую репетицию танцевального дуэта для нового фильма Жана Ренуара. Совершенно обессиленные, мы добрались до гримерной комнаты и рухнули на скамью. Я принялась осматривать свои израненные ноги.

Зажимая нос одной рукой, другой Киттен стащила с себя чулки. К привычным «ароматам» гримерной – клея для туфель, пота, волос и дурного одеколона – примешивался еще какой-то запах, острый, металлический и довольно противный.

– Должно быть, это самая отвратительно пахнущая гримерная во всем Париже. Что это за жуткая вонь?

Я пригнулась. Запах мочи! К горлу немедленно подступил комок, и я с трудом подавила тошноту.

– Мне кажется, это запах мочи... мужской мочи. – Я огляделась в поисках окна, чтобы проветрить комнату, но его конечно же не было. Почему в гримерных никогда не делают окон?

– О-о-о, как ужасно! – Киттен еще крепче прижала ладонь к носу.

– Это напоминает мне одно из мест в Триесте, где мы жили... – начала я, но тут же остановилась. – Ты не возражаешь, если мы переоденемся прямо в студии? Все уже ушли, а мне нужно кое-что тебе сказать.

– Я так и знала! – с торжеством в голосе воскликнула Киттен. – Ты здесь не единственная ясновидящая, знаешь ли. Я заметила, что нечто явно не так – сразу же, как только ты появилась в студии в этих закатанных чулках, с голыми коленками. Да еще и с опозданием. Опаздывать – это совсем на тебя не похоже, дорогая. Давай вернемся в студию, и ты мне все расскажешь.

– О, Киттен, я не могла дожидаться подходящего случая!

Мы подхватили свои сумки и пальто, поскорее выскочили обратно в студию и устроились у печки. Я прижалась к ней плечом, не в силах больше держать в себе то, что меня переполняло.

– Мне кажется, я влюблена! Не могу думать ни о чем другом. Мне пришлось даже пройти по Люксембургскому саду, чтобы хоть немного успокоиться. Я, наверное, раз сто обошла фонтан Медичи. Я очень плохо танцевала?

– Ты танцевала с такой энергией... от тебя словно сияние исходило, и я тут же подумала, что у тебя в жизни произошло что-то восхитительное! Это Эмиль Фернандес, да? – Киттен склонила голову набок и окинула меня долгим взглядом.

Я покачала головой и сжала губы, чтобы не выпалить все в одну секунду и не разрушить драматизм момента.

– Ах ты, темная лошадка! Как ты могла скрывать от меня *такой* секрет?

– Я только что познакомилась с ним, Киттен. Два вечера назад. Его имя – Сэмюэль Беккет. Ему нравится, когда его называют Сэм, но мы зовем его мистер Беккет. И он такой чудный! – Я закрыла глаза, уронила голову Киттен на плечо и вздохнула, вспоминая его пронзительные глаза... волнующие, околдовывающие.

– Быстро же ты, дорогая! Ладно, прощаю тебя за то, что ты мне не сказала. Но кто он?

– На самом деле все еще быстрее, чем ты думаешь. – Я подняла голову и посмотрела ей в лицо. – Полагаю, мы поженимся. Не сразу, разумеется. Но со временем.

Киттен ахнула:

– Он сделал тебе предложение? Уже?

– Нет, конечно нет. Сначала он должен в меня влюбиться. Но у меня такое чувство, что это непременно произойдет. – Я положила одну ногу на другую и сняла балетку.

– Могу поспорить, у тебя опять было видение. – Киттен погладила меня по спине, как будто хотела приласкать меня, чтобы я рассказала ей больше, и я вдруг поняла, до чего нелепо все это звучит. Баббо бы обязательно понял. Я увидела его как наяву: горящие глаза, тонкие, похожие на лапки паука пальцы, нащупывающие карандаш, пока он осторожно, тихим голосом расспрашивает меня, чтобы не спугнуть. Но я не собиралась ничего ему говорить. Мне не хотелось прочитать *об этом* в его книге, даже в туманном, расплывчатом виде. Даже в виде его особого, мало кому понятного шифра.

– Это тот самый мужчина, что смотрел на меня в окно, когда мы сидели в «Мишо»... когда мы отмечали тот самый хвalebный отзыв в газете. – Я облизнула палец и потерла кровавое пятнышко на заднике балетной туфли. – Теперь он работает с баббо. И когда я думаю о нем, у меня перестают болеть ноги. А прошлой ночью... прошлой ночью мне снилось... – Я замолчала и потерла пятно сильнее.

– Ну? – Киттен слегка толкнула меня плечом.

– Мне приснилось, что мы были с ним вдвоем... как женщина и мужчина, понимаешь? И все вокруг было залито солнцем. – Я не сказала, что, когда проснулась, все мое тело болело и будто вибрировало при одном лишь воспоминании об этом. И что я целых полчаса танцевала у себя в спальне, чтобы остыть. – Я еще никогда не чувствовала ни с кем такой близости, тем более с человеком, которого почти не знаю, – призналась я.

Китти испустила громкий театральный вздох, как будто я сообщила ей нечто столь необычное, чему невозможно поверить.

– Но все же – кто он? Откуда родом?

– Он ирландец. И у него завораживающие глаза, как у гипнотизера... цвета морской воды. И при этом яркие и острые.

– Звучит ужасно экзотически. А что он делает здесь?

– Преподает английский. Но сейчас у него только один ученик. Он страшно умный и хочет стать великим ученым. Мама решила познакомить его с Джорджем Сегодня в кафе «Дю Дом» они должны встретиться за аперитивом. Ты сможешь прийти?

Мое сердце забилося быстрее и сильнее, а тело будто бы начало испускать электрические импульсы – и все это из-за того, что я вскоре снова увижу Сэма.

– Прямо сейчас? Но мне нужна ванна – и мне нечего надеть. И не мешает наругать щеки. Нельзя ли сначала забежать домой?

Я посмотрела на часы на стене. Было уже почти шесть. Я встала, пропустила пальцы сквозь недавно обновленную стрижку и пригладила платье.

– Нет времени. Идем, я расскажу тебе о нем по дороге.

– А как же твои чулки? Ты не хочешь снова их закатать?

– Джордж может сказать маме, и мне крепко достанется. Мне просто хотелось попробовать, ведь сейчас это так модно. – Я слегка вздрогнула, взяла сумку и направилась к двери.

– Жаль. Это выглядело так дерзко и вызывающе, – разочарованно протянула Киттен. – Хотя сейчас, полагаю, уже довольно холодно.

Выйдя из студии, мы сразу ощутили дыхание зимы. Воздух был колким, свежеледяным и глущим одновременно. Мы поплотнее закутались в пальто и надвинули шапки на уши. Бульвар Монпарнас уже готовился к обычной разгульной ночи. Тележки с цветами ломились под тяжестью толстых связок остролиста, усыпанного алыми ягодами, и желтого жасмина, что расцветает зимой. Оглушительно пахло жареными каштанами. Грустные голоса уличных певцов смешивались со звонкими криками мальчишек-газетчиков и призывными возгласами табачников. Торговцы воздушными шарами и продавцы нот складывали товар, кукольники свора-

чивали ширмы и убирали своих марионеток, и все перекликались друг с другом. Старухи под просторными стоячими зонтами, предлагавшие покупателям шнурки и прочую мелочь, зевали и потягивались. А глотатели огня и жонглеры, наоборот, готовились к вечерним представлениям. Из баров, оглядываясь по сторонам, выходили посетители – может быть, искали оставших друзей, а может быть, местечко, где можно выпить подешевле.

– Поверить не могу, что ты заставляешь меня встретиться с Джорджо, когда я в таком виде. – Киттен кивком указала на свои ноги. Вместо элегантных туфель на каблучках, с пряжками и пуговками, какие она обычно носила, сейчас на ней были практичные коричневые ботинки – в них она всегда возвращалась домой после репетиций.

– Вряд ли он упадет в обморок. Ты ведь не скажешь ему обо мне и мистере Беккете? – Я остановилась, чтобы бросить несколько монет в жестянку нищего, который скорчился на тротуаре. На коленях у него лежали деревянные костыли. – Джорджо и мама посмеиваются над баббо, когда он называет меня «своей Кассандрой». Хотя это странно. Сначала я вижу его в ресторане, затем он вдруг появляется в нашем доме. И вдобавок ко всему он ирландец и прекрасно говорит по-итальянски, как и мы. А теперь он будет работать с баббо и приходить к нам каждый день.

Я взяла Киттен под руку и притянула ее к себе. Впереди уже показались огни кафе. Мой пульс участился, и я жадно глотнула холодного воздуха.

– И что же, *все* твои предвидения сбываются? То есть все-все, до единого? – спросила Киттен.

Я немного поколебалась, не зная, как объяснить непоколебимую уверенность баббо в том, что я обладаю необыкновенным даром.

– Это не совсем предвидения – скорее нечто вроде интуиции. В прошлую пятницу я проснулась и почему-то подумала о нашей старой знакомой из Цюриха. Мы ничего не слышали о ней уже три года. Но уже через час мальчик-почтальон принес от нее письмо – она сообщала, что приезжает в Париж.

Я куснула ноготь и снова вспомнила то утро. Я открыла глаза с неожиданной мыслью о Жанне Вертенберг (о которой не думала по меньшей мере год) и странным щекочушим ощущением в позвоночнике. Когда доставили письмо, я рассказала обо всем баббо, и он конечно же начал подробно меня расспрашивать: как выглядела Жанна? что она делала? говорила ли со мной? что в письме? как долго сохранялось это щекочущее чувство? А затем прикрыл глаза и пробормотал что-то о мистической деятельности, творящейся в дремлющем разуме.

– Иногда это приходит в виде снов. – Я снова остановилась, на сей раз у тележки с цветами, и окунула лицо в большой букет желтого жасмина, стоящего в эмалированном ведре. Его ветки были похожи на копья.

– Я точно знаю, что один твой сон про меня действительно сбылся! Это было поразительно. Сверхъестественно! Даже папа это признал, а ведь он такой циничный, когда дело касается подобных вещей. – Киттен помолчала, припоминая. – Ты помнишь, Лючия? Тебе приснилось, что я исполняю главную партию в «Сотворении мира» в Сен-Поль-де-Ванс? И я в самом деле получила эту роль!

– Сбываются только самые яркие видения, те, где я помню каждую подробность, каждый запах и звук, где цвета так ярки, что у меня болят глаза. Когда мне снились мистер Беккет и я... обнаженные... я чувствовала на своем теле жар солнца, и выступы его тела подо мной, каждую косточку. И все кругом было золотым, и еще где-то будто бы на заднем плане слышался странный звук... как тикающие часы. Но ты ведь не скажешь ни слова ни единой душе, да, Киттен?

– Конечно нет, дорогая! – Киттен повернулась ко мне и улыбнулась. – Но обещай – если ты снова увидишь меня во сне, то обязательно расскажешь. Даже если это будет что-то ужасное. Даже если я приснюсь тебе в гробу.

Я отняла у нее руку и прямо перед входом в кафе сделала несколько пируэтов, на глазах у торговцев устрицами, что устроились на террасе со своими корзинами и ножами.

– Я предсказываю только счастье, Киттен, – заверила я, открывая дверь, но мои слова заглушили взрывы смеха и веселые крики, доносившиеся из кафе.

Джорджо и мистера Беккета мы заметили сразу же.

– Привет, птички! – Джорджо прижал меня к себе и расцеловал в обе щеки. – Я только что говорил мистери Беккету о лучших джазовых местечках в Париже, но, как выяснилось, он предпочитает музыку другого рода. Не правда ли, мистер Беккет?

Джорджо смачно чмокнул Киттен и сделал комплимент ее чудесному цвету лица. Мистер Беккет нервно переминался с ноги на ногу и, быстро затягиваясь, курил сигарету.

– Здесь, в Париже, все целуют друг друга, мистер Беккет, – объяснила я и почувствовала, как горячая волна заливает мою шею и лицо. Я поднялась на цыпочки и тоже поцеловала его в обе щеки. Его щетина чуть царапнула мне губы, а дым от сигареты обвился вокруг горла, как шарф. Я отступила и склонила голову, надеясь, что он не заметит, как сильно я покраснела.

– О да, это парижский обычай. Меня зовут Киттен. – Киттен потянулась и подставила мистери Беккету лицо. – Это одна из тех вещей, из-за которых я обожаю этот город! – добавила она, снимая перчатки. – Все эти поцелуи! А если вы любите музыку, то знайте: Джорджо поет как ангел.

– Спасибо, Киттен. А эти две девчонки только и делают, что танцуют. – Джорджо обернулся к мистери Беккету и показал на нас сигаретой. Я заметила, как блеснул ее золотой фильтр. Это были не те самокрутки, что он обычно курил, и я мельком подумала: может, ему заплатили за выступление? Но спросить не успела – Джорджо опять заговорил: – И днем и ночью. Танцы, танцы, танцы. Это сводит мать и отца с ума.

– «О, музыки качанье и безумье – как различить, где танец, где плясунья?»⁵

Мистер Беккет смотрел на меня, и я тут же забыла о внезапном богатстве Джорджо. Я подняла бровь:

– Это вы написали, мистер Беккет?

– Боюсь, что нет. Это одно ирландское стихотворение. Вы любите поэзию, мисс Джойс?

– Конечно! Я как раз занимаюсь постановкой нового танца, который мне навяло стихотворение Китса. Возможно, вы его знаете. – В его глазах горел неподдельный интерес, и я собралась продолжить, но вмешался Джорджо:

– Лучше расскажи ему о Париже, Лючия. О вечеринках, о ночных клубах. Ему нужно завести побольше друзей, а то он знает лишь нас да Томаса Макгриви, а Макгриви скореемышь, чем человек. – Джорджо щелчком отбросил свою сигарету с золотым кончиком, подождал официанта и заказал нам всем еще по мартини.

Я взглянула на мистера Беккета.

– Я так рада, что вы приняли предложение баббо. Он очень плохо себя чувствует. В иные дни он вообще ничего не видит. Ему приходится писать толстыми карандашами или мелкими и надевать две пары очков, одну поверх другой. От света у него болят глаза, так что не забывайте задерживать занавески.

– Как же мне в таком случае ему читать? – нахмурился мистер Беккет.

– Вам нужно будет сесть прямо возле окна и оставить между шторами совсем узенькую щель, так чтобы свет падал только на книгу. Я всегда так делаю.

– Работать с вашим отцом – огромная честь для меня, – торжественно произнес он.

– Полагаю, вы захотите посещать салоны? Баббо заходил пару раз в салон к мисс Стайн и мисс Барни. Там собираются все великие артисты. Я могу устроить вам приглашение, если пожелаете.

⁵ У. Б. Йейтс. «Среди школьников». Пер. Г. Кружкова.

– Они все лесбиянки! Зачем ему туда? Разве что посмотреть, как развлекаются богатые американцы. – Джордже открыл крышку зажигалки и снова захлопнул.

Как горько он это произнес, подумала я, но вслух ничего не сказала. Прикусила язык, взглянула на Киттен и закатила глаза. Она почему-то выглядела грустной и уставшей. В этот момент я посмотрела на туфли Джордже. Они были натерты так, что, казалось, излучали собственное сияние.

– Кто это так натер тебе туфли, Джорджо? – спросила я. Даже мама, при всей ее любви, никогда не прикладывала к этому столько усилий.

Он по-детски ухмыльнулся.

– Не важно, Лючия. Я покажу вам джазовые клубы, – обратился он к мистеру Беккету. – За Люцией остаются бал-мюзеты и балет, а отец сводит вас в оперу и на Сену. Он упоминал о своих ежедневных прогулках вдоль Сены? Нет, думаю, что нет. Его необходимо сопровождать – вы скоро к этому привыкнете.

– Не то чтобы у меня совсем нет друзей. – Мистер Беккет осторожно улыбнулся. – Я вступил в университетскую команду по регби. Нападающим.

– О, вы молодец, мистер Беккет! – Киттен захлопала в ладоши. – Вы увлекаетесь спортом? Мистер Беккет кивнул.

– Дома, в Дублине, я много играл в крикет, а также в теннис и гольф. Я даже пробовал участвовать в гонках на мотоциклах и кататься на роликовых коньках. – Он сконфуженно закашлялся, как будто сказал слишком много.

Джорджо несколько нахально оглядел его с головы до ног.

– Не думал, что у вас подходящее сложение для игры в регби.

Мое сердце замерло. Что, если мистера Беккета... Сэма ранят во время игры? Или раздавят во время потасовки? Я также встревоженно осмотрела его фигуру. Он такой некрепкий! Под костюмом кое-где даже проступали кости.

– Вот легкие у меня не очень, это верно, – сказал мистер Беккет, постучал себя по груди и задумчиво покачал головой. И закашлялся – как будто в доказательство своих слов.

– Это все ирландская погода. – Джорджо предложил ему одну из своих сигарет с золотым фильтром. – Здесь ваши легкие придут в порядок. Когда мы были в Ирландии, уже перед отъездом, дождь шел каждый день. Ты помнишь, Лючия? Дождь. И люди, которые пытались нас застрелить. И вареный картофель с отвратительными черными глазками. Проклятое место! Ну его к чертям.

Я кивнула. Да, так все и было. Звуки оружейных выстрелов. Джорджо, мама и я в вагоне поезда, пытаемся скрыться от разразившейся потасовки. Мы с мамой бросились на пол, но Джорджо храбро остался сидеть на диване, сказав, что примет за нас все пули.

– Но, однако же, в сельской местности очень красиво. – Мистер Беккет глубоко затаился. – Эти розово-зеленые закаты... я не видел таких ни в каких других краях.

Я попыталась припомнить хоть один ирландский закат, но Киттен так торопливо переменяла тему, что я покраснела и мгновенно забыла об Ирландии.

– Лючия – изумительная гимнастка, не так ли, дорогая? – Она незаметно ткнула меня в спину, словно актрису, что забыла свою реплику и срочно нуждалась в подсказке. – В сущности, она и была гимнасткой до того, как сделалась танцовщицей. А вдобавок она умеет петь и играть на фортепиано, и к тому же рисовать! Ну скажи же, Лючия!

– Лючия обладает столь многочисленными талантами, что для всех нас остается загадкой, почему своим поприщем она выбрала именно танцы. – Джорджо взглянул на меня и улыбнулся, словно гордый родитель. Мне показалось, что он даже раздул грудь.

Мистер Беккет перевел взгляд на меня, и его глаза снова заблестели. Я покраснела еще больше и смущенно покачала головой.

– И еще всем известно, что она – муза мистера Джойса, правда, Джорджо? – Киттен повернулась к Джорджо и оживленно закивала, ожидая подтверждения. Но он заметил кого-то в баре и махал ему или ей рукой и ничего не ответил.

– Воображаю. Из вас выйдет прекрасная муза, – пробормотал мистер Беккет, не отрываясь от моего лица, будто я – необыкновенная, экзотическая бабочка, которую он только что неожиданно поймал и теперь не знает, что с ней делать.

– Однако пришло время ознакомить вас со всеми радостями Монмартра, мистер Беккет. А вы, пташки, разлетайтесь по домам. Скажи матери, что я буду поздно, Лючия. – Джорджо бросил окурок на пол и раздавил его каблуком своей сияющей туфли.

– А нельзя ли нам пойти с вами? – В животе у меня похолодело, а во рту появился кислый привкус. Раньше Джорджо никогда не избавлялся от меня так бесцеремонно. Мне вдруг показалось, что тесная связь между нами, не ослабевавшая много лет, трещит, как кусок старой, обтрепанной по краям ткани, который пытаются растянуть. Неужели я слишком увлеклась своими танцами и пропустила перемены, произошедшие в Джорджо?

– Мать и отец этого не одобряют. – Он швырнул на барную стойку пачку пятифранковых купюр, так легко и небрежно, что мой желудок снова сжался. Как это было не похоже на те времена, когда мы искали случайно завалявшиеся монеты в карманах друг друга, тщательно пересчитывая наши «богатства» и полируя до блеска каждую находку! И старались не смотреть на нахмуренные лица официантов, которым мы не могли оставить на чай!

Но тут мистер Беккет наклонился ко мне и поцеловал сначала в одну щеку, а потом в другую. И когда он отстранился, на его губах играла такая мальчишеская триумфальная улыбка, что я мгновенно забыла о Джорджо.

– Боже, мистер Беккет. – Киттен вышла вперед и подставила ему лицо. – Вы теперь точно парижский джентльмен. Бьюсь об заклад, в Ирландии такого не делают.

Целуя Киттен, мистер Беккет не отрывал глаз от меня, и мое сердце забилося так громко, что я торопливо отвела взгляд, в страхе, что этот оглушительный стук как-то в нем отразится.

– Увидимся завтра, Лючия, – тихо произнес он, когда мы с Киттен надевали пальто и шляпы. – Может быть, вы расскажете мне больше о том танце, над которым сейчас работаете? «Я даровал ей тысячи имен, стихи о ней слагая в упоенье...»⁶

– О-о... – вспыхнула я. – Да... Ките. До завтра.

Пока мы с Киттен, рука об руку, шли к остановке трамвая, она не переставая говорила о том, как весь вечер смотрел на меня мистер Беккет.

– Почему ты не сказала, как ты замечательна и талантлива, дорогая? Право, ты была слишком скромна! – Она сокрушенно покачала головой.

– Тебе он показался привлекательным?

– Слишком худой и костлявый, на мой вкус, – засмеялась Киттен. – Знаешь, кого он мне напомнил?

– Римское божество? Лорда Байрона? – Я даже слегка подпрыгнула, представив себе высокие мускулы мистера Беккета, его жилистое тело, его лицо, словно высеченное из мрамора, и зачесанные назад волосы, на которых еще сохранились следы гребенки.

– Он похож на твоего папу! Если бы он переменил очки, отпустил небольшую бородку и одевался более стильно, то его можно было бы принять за твоего родного брата. – Киттен хихикнула, но по ее лицу тут же пробежала тень. – Джорджо сегодня был какой-то странный.

– Да, – согласилась я, вспоминая необычайный блеск его туфель, толстую пачку банкнот, что он оставил у бара, дорогие сигареты и то, как пренебрежительно он от меня отделался. К счастью, в эту секунду на бульвар Монпарнас с грохотом и дребезжанием въехал трамвай, и это избавило меня от необходимости обсуждать странности в поведении Джорджо.

⁶ Дж. Ките. «Ода соловью». Пер. Е. Витковского.

* * *

На следующее утро, когда я уже уходила на урок, в кухне появился Джорджо, зевая и отчаянно моргая. Под глазами у него залегли темные круги.

– Уже убегаешь? – невнятно пробормотал он.

– Да, я опаздываю. Как вам вчера понравилось на Монмартре? – Я сунула в сумку балетные туфли и поспешила к двери. Сотни вопросов вертелись у меня на языке, но времени на разговоры совсем не было.

– Было хорошо. – Джорджо потянулся и зевнул еще раз. – Беккет оттаял после нескольких рюмок. После того как он чуток выпьет, у него открывается превосходное чувство юмора. А это как раз напомнило мне кое о чем, Лючия. – Он замолчал и стал шарить по карманам, ища сигареты. – У тебя завелся поклонник.

Я резко развернулась. Удары моего сердца были похожи на пистолетные выстрелы.

– Кто?

– Больше не могу вымолвить ни слова. – Джорджо воткнул в рот сигарету и снова сунул руку в карман, нащупывая зажигалку. – Черт возьми! Я оставил зажигалку в этом проклятом баре!

– Кто? – настойчиво повторила я.

– Поклонник. Все, что я могу сказать. – Нетвердой походкой он подошел ко мне и шутливо толкнул в плечо. – Лети, а то опоздаешь, Лючия. Кстати, возможно, ты могла бы на обратном пути зайти на Монмартр и забрать мою зажигалку?

Но я уже сбегала по лестнице, на цыпочках перепрыгивая сразу через пять ступенек. Голова моя кружилась, и я была вне себя от волнения. Выскочив на улицу, в яркий, нестерпимо солнечный день, до краев заполненный обещанием всего лучшего на свете, я кружилась и вальсировала всю дорогу до танцевальной студии.

Сентябрь 1934 года

Кюснахт, Цюрих

– О, новое меховое пальто, мисс Джойс? – Доктор Юнг стоит за отполированным письменным столом и оглядывает меня сверху вниз своими глазами ящерицы.

– Баббо его купил. Я потеряла прежнее. – Мои глаза покалывает от слез. Как я могла вести себя так глупо! У баббо полно забот, кроме того, чтобы покупать мне новые пальто. Если его великий труд не будет завершен, это станет только моей виной... только моей виной... Я поднимаю воротник пальто и кутаю подбородок в его податливые складки.

– Вам нет нужды душить себя, мисс Джойс. Вряд ли здесь его унесет ветром. – Доктор проходит через кабинет и закрывает окно, будто всерьез думает, что внезапный порыв ветра может сорвать с меня пальто.

– Его не уносило ветром! – с негодованием возражаю. – Я случайно оставила его в зоопарке. Я смотрела на медведей, вместе с той женщиной, которой вы платите, чтобы она шпионила за мной, и забыла его на скамейке. – Я замолкаю и смотрю в окно, на гладкое, словно зеркало, Цюрихское озеро. Слышатся пронзительные крики чаек и тихое пыхтение парома, подходящего к пристани.

– И как вы ладите с мадам Бейнс? – Доктор Юнг возвращается к столу и берет в руки первые главы моих мемуаров.

– Я знаю, что она – ваша шпионка. И отказываюсь рассказывать ей о своих снах. Но скажите же, что вы думаете о моей истории? Вам понравилось? – Я нервно играю с пуговицами пальто, засовывая их в петли и снова освобождая, одну за другой.

Доктор Юнг кивает.

– Я ожидал, что это будет больше похоже на работы вашего отца.

Я оставляю пуговицы, встаю и выпрямляю спину, стараясь выглядеть как можно выше.

– Должно быть, мне стоит принять это как комплимент – ведь мы все знаем, что вы думаете о книгах баббо. – Мой тон холоден как лед, потому что я помню, как уязвлен был баббо, когда доктор Юнг публично назвал «Улисс» холодным произведением, бесчувственным и скучным, как солитер. Да-да, именно это слово он употребил. – Значит, мои мемуары не напоминают вам солитер?

Он молча листает страницы, иногда кивая и шумно втягивая носом воздух.

– Где вы родились, мисс Джойс?

– Я вам уже говорила. В больнице для бедных в Италии. Баббо тоже там был. Вы не хотите ничего спросить о том, что я написала?

– Ваш отец наблюдал за родами? – Доктор приподнимает брови.

– Разумеется, нет! Он был очень болен и сам лежал в другой палате. Мама рассказывала, что тогда он едва не умер.

Доктор достает из кармана платок и промокает нос, однако безуспешно.

– Вы знали, что мать очень долго не кормила вас грудью или, возможно, вообще не кормила?

Я пожимаю плечами:

– И что с того?

– Но она кормила вашего брата. Почти до тех пор, пока не родились вы. Ваш отец написал это в отчете, который я попросил его составить. Вы испытываете какие-нибудь чувства по этому поводу, мисс Джойс?

– Джорджо всегда получал все – так у нас было заведено. Мать боготворит его. А баббо боготворит меня. – Я снова пожимаю плечами. Почему доктор Юнг все время говорит о моем детстве? – Моя история, – напоминаю я. – У вас нет никаких вопросов?

– Меня очень привлекло упоминание о ваших ясновидческих способностях. – Он постукивает пальцем по рукописи. – Не могли бы вы рассказать мне об этом подробнее? Были ли другие случаи, когда вы могли предвидеть будущее? И можете ли вы видеть его сейчас?

Я молчу и думаю, отвечать ли мне на его вопросы или нет. Но потом меня вдруг поражает мысль, что у меня ничего не осталось. Только мои тайны. А он слишком хочет их узнать. Он чересчур жаден.

– Вы должны дождаться следующей части. Но не ждите, что ваша шпионка вам что-нибудь поведаст. Я буду предельно осторожна, чтобы ничем не выдать своих тайн.

Я не признаюсь ему, что все обретает смысл, лишь когда я пишу это на бумаге, заворачиваю мысли и воспоминания в слова, словно обматываю их пряжей. Я встаю и подхожу к окну, держа голову и плечи очень прямо. Чрезмерно ухоженный, вылизанный сад доктора Юнга выходит на озеро, где свободно плавают дикие утки и лебеди, оставляя на воде расходящиеся следы. Наверху в небе носятся чайки – то парят и кружат, то резко ныряют вниз.

– Я больше не хочу быть узницей, – говорю я и поворачиваюсь к доктору. – Я нужна баббо. От меня зависит будущее литературы.

Мне снова вспоминаются медведи в зоопарке. Как они кругами ковыляют по клетке, вялые, потерявшие всякую надежду.

– Вы делаете огромные успехи, мисс Джойс, но это только начало. Мадам Бейнс считает, что вы менее дезориентированы, чем мы думали вначале. И часто, по ее словам, вы мыслите вполне ясно и здраво. Да и чтобы написать все это... – он на секунду умолкает, берет мою

рукопись и делает размашистый жест, – вы должны были находиться в здравом уме и ясной памяти.

– Когда я начинаю писать, вспоминаю все. Темнота отступает, растворяется, и я вижу прошлое так, будто это случилось вчера.

Я начинаю рассказывать по комнате. Как же мне надоело сидеть – в кабинетах врачей и больничных палатах, в машинах и на скамейках, на кроватях и смотровых столах! И как же мне хочется снова двигаться и танцевать! Почему никто не может этого понять?

– Пожалуйста, сядьте, – резко и напряженно произносит доктор Юнг.

– Мой отец говорил вам, как я ненавижу врачей?

Я продолжаю ходить по кабинету, огибая доктора, разглядывая его со всех сторон, под каждым углом. Если великий доктор Юнг может ходить по комнате и рассматривать и изучать меня, словно мертвую бабочку под стеклом микроскопа, почему я не могу сделать то же самое по отношению к нему?

– Да, говорил. Как складываются ваши взаимоотношения с доктором Негели?

– Он взял у меня столько крови... должно быть, во мне больше ничего не осталось. Он говорит, что у меня повышенные лейкоциты – слишком большое содержание белых кровяных телец. И проверяет меня на наличие... – Я не желаю произносить это слово. Ни при докторе Юнге. Ни при ком-либо другом.

– Наличие чего, мисс Джойс? – Голос доктора становится мягче, он откидывается назад в своем кресле, так что его живот выпирает из-под жилета, словно воздушный шарик. – Вы забываете о том, что я могу спросить об этом доктора Негели лично. Это очень просто. – Он чихает и снова вытирает нос.

– Я не собираюсь вам говорить! – Я падаю в кресло, плотно-плотно закутываюсь в пальто и горблюсь. Несомненно, сейчас опять начнутся все эти старые вопросы про меня и баббо и про спальни, в которых мы вместе спали. Но нет. Вместо этого доктор Юнг спрашивает меня, удобно ли мне в частном санатории доктора Брюннера.

– Там все как здесь. – Я обвожу кабинет рукой – белые стены, отделанные панелями красного дерева, рисунки в восточном стиле, изображения мандалы на каминной полке. – Очень буржуазно, – презрительно добавляю я.

– Вам здесь нехорошо? Неприятно?

– Да. Только когда я смотрю в окно... – Я не могу объяснить, как отталкивают меня эта роскошная мягкая мебель, купленная за большие деньги, как пугает толстый бархат портьер и натертый паркет пола – я чувствую себя чужой, незваной гостьей, как все это напоминает мне одну парижскую квартиру, которую мне бы очень хотелось забыть.

– Мисс Джойс... – Доктор Юнг так громко сморкается, что я слышу отвратительное бурление у него в носу. – Вам двадцать семь лет, и вы никогда не жили в отрыве от своей семьи. Даже здесь, когда вы находитесь в санатории с мадам Бейнс, я не могу полностью отделить вас от отца. Несмотря на мои строгие инструкции, он отказывается покидать Швейцарию. – Он делает паузу и тщательно рассматривает содержимое носового платка, будто там может прятаться баббо. – Почему вы никогда не имели собственного жилья?

Я смотрю в окно.

– Раньше я любила представлять себя мисс Стеллой Стейн. Воображала, как она просыпается каждое утро, как надевает свое зеленое бархатное пальто и шляпу с оранжевыми перьями. И никто не диктует ей, что носить и в какое время приходить домой.

– Продолжайте, – говорит доктор, и его бездонные глаза словно удерживают меня в луче света.

– Мои подруги ходили в ночные клубы и заводили любовников. Я же ходила ужинать с родителями. И однажды я спросила баббо, можно ли мне переехать. Сказала, что мама меня ненавидит.

Я закрываю глаза и вызываю в памяти этот день. Я еще слышу, как покашливает и сопит доктор, но уже через несколько секунд та сцена предстает передо мной, как наяву. Кабинет баббо, везде книги, газеты, журналы, книжки комиксов, художественные альбомы, энциклопедии, карты, словари... разбросаны по полу, стоят у стен, едва не падают с полок. Баббо, сгорбившийся за письменным столом. Полная тишина – слышен только скрип его ручки. И я вытягиваю шею и изгибаюсь, готовясь танцевать.

– Баббо?

– Да?

– Я хочу съехать отсюда. Хочу жить в своей квартире. Как мои друзья и подруги. – Я отвела назад плечо, сначала правое, потом левое. – Мне почти двадцать один!

– Я знаю, Лючия. Ты просила нас об этом много раз, и мы всегда отвечали тебе «нет». – Баббо положил ручку, и краем глаза я заметила, что он наблюдает за мной.

– Но почему нет? Я – единственная танцовщица, которая живет с родителями, кроме Киттен. – Я откинулась назад и медленно выгнула спину, пока моя голова не оказалась между коленями.

– Петлями парят они, переплетаясь со светом... соединяясь и сливаясь, смыкая веки и стремясь в парении к свету. Как это звучит?

– Мама меня ненавидит, Джорджо вечно поет в своем хоре, а ты всегда пишешь. – Я уперлась ладонями в пол и почувствовала, как напряглась задняя поверхность бедер. Потом немного развела колени и взглянула на баббо снизу вверх. Он смотрел на меня, склонив голову к плечу, с непроницаемым выражением лица.

– Бойкий, быстрый, ловкий, гладкий, ладный, складный бегун-бегунок... понравится им это, Лючия? Понравится ли такое этим филистимлянам, что посмеиваются надо мной, копируют и уродуют мои работы? – Он вздохнул и вернулся к своим бумагам.

– Я хочу жить своей собственной жизнью. Хочу быть более независимой! – Я разогнулась и встала. Затем запрокинула голову, так что мои глаза видели только потолок, некогда белый, но теперь тускло-бежевый от табачного дыма.

Баббо остановил на мне взгляд своих воспаленных, в розоватых прожилках глаз.

– Как ты по-кошачьи грациозна в этой позе... кис-кис, кисуля, котишка-воришка...

– К тебе это не имеет никакого отношения, баббо. Я буду очень часто к тебе приходить, ты же знаешь, – сказала я, не отрывая глаз от потолка.

– В Ирландии хорошие девочки не живут одни, сами по себе. Они остаются под крылом у мамочки, пока не выйдут замуж. – Ручка снова закрипела по бумаге.

– При чем здесь вообще Ирландия? Вечно Ирландия! Это Париж! И если в Ирландии так прекрасно, почему вы с мамой сбежали и поженились в Италии, а не в Дублине?

– С меня довольно твоей язвительности. Мне нужно продолжить работу. Сбегай и отправь для меня эти письма. Бери-беги быстрее-шустрей.

Я медленно опустила голову. Приятно было чувствовать гибкость и послушность своих членов, но разговор с баббо привел меня в состояние нешуточного раздражения. Нужно было попросить маму. Она не хочет, чтобы я путалась у нее под ногами. Мои танцы всегда ей мешают и кажутся некрасивыми и не очень приличными. А когда она замечает, как смотрит на меня баббо, то прищуривает глаза, и у нее делается очень неприятное, холодное лицо. Да, мама бы согласилась.

Баббо опять положил ручку и задумчиво взглянул на меня.

– Возможно, если бы кто-то жил с тобой... – Он говорил очень медленно, как будто мысль еще только формировалась в его голове.

– Кто мог бы жить со мной? Ты хочешь сказать, мы могли бы делить квартиру с Киттен или Стеллой Стейн? – Я старалась не выдать своего волнения.

– Нет, я хочу сказать совсем другое. Кто-то, кто был бы тебе как... мать.

– Мать? Мне не нужна мать. В моем возрасте я уже *сама* могу быть матерью!

– Я думаю о... – Он замолчал и еще раз неуверенно взглянул на меня, как будто решая, продолжать или нет, а затем быстро и твердо качнул головой. – Беги и отправь письма, Лючия. Будь так добра.

– Только если скажешь, о ком ты подумал.

– Я подумал – может, попросить об этом твою тетю Эйлин? – сказал он, внимательно наблюдая за моей реакцией.

– Я бы с радостью пожила с тетей Эйлин, но как же ее дети?

– Я бы платил ей за то, чтобы она жила с тобой. Несомненно, деньги ей нужны. – Баббо погладил свою козлиную бородку и уткнулся в бумаги.

– Ее дети тоже могли бы переехать в Париж, – предложила я. – В конце концов, они мои двоюродные братья и сестры.

– О нет, – быстро возразил он. – Таких расходов я себе позволить не могу. Но мне хватит средств, чтобы поместить их в пансион в Ирландии. Стало быть, я спрошу ее, когда она приедет на следующей неделе. – Его тощая рука с огромным перстнем потянулась к письмам. – Лючия, прошу тебя, иди и отправь уже письма. И поторопись. Возвращайся скорее назад – мне нужно, чтобы ты для меня потанцевала.

Я открываю глаза и моргаю, ослепленная, ничего не понимающая. Слабый запах озерных водорослей напоминает мне, что я не в Париже и я не собираюсь танцевать для баббо. Я в кабинете доктора Юнга, за мной наблюдают, меня допрашивают, а потом я вернусь с медсестрой-шпионкой в санаторий с решетками на окнах.

– Так что же в итоге произошло? – Доктор кивает и одобрительно улыбается, словно я несмышленое дитя, которое чем-то его порадовало.

– Она согласилась, но семья баббо в Ирландии очень рассердилась и заставила ее вернуться, чтобы она заботилась о собственных детях. Видите ли, они были еще совсем маленькими, к тому же ее муж только что застрелился. – Я говорю все тише и тише и вскоре замолкаю совсем.

Доктор Юнг хмурит лоб и подпирает ладонью подбородок.

– Ваш отец попросил свою сестру присматривать за вами, молодой дамой двадцати одного года, и оставить своих недавно осиротевших детей в пансионе? Я правильно вас понимаю, мисс Джойс?

Я киваю, и слова вдруг начинают литься из меня потоком, обильным и неуправляемым.

– Мой дядя застрелился, пока тетя Эйлин гостила у нас. Баббо получил телеграмму, но ничего ей не сказал... он повел ее смотреть достопримечательности. Когда она вернулась домой в Триест, дядю уже похоронили. Она не поверила, что он покончил жизнь самоубийством, и настояла на том, чтобы тело выкопали. – Мне кажется, что пластины моего черепа сдвигаются и скрежешут, соприкасаясь друг с другом. В горле у меня посвистывает. Зачем я вытаскиваю из себя это воспоминание?

– Это был единственный раз, когда вы попытались оставить семью?

Я сижу молча и неподвижно. Лишь мои пальцы выдергивают из нового пальто тонкие пучочки лисьего меха. Как легко это делать... скоро мое пальто облысеет, станет голым, как макушка старика.

– Ваши родители обращались с вами как с ребенком, потому что вы вели себя по-детски?

– Я была нужна баббо дома. Он зависел от меня. Вы не понимаете!

– Потому что он был почти слеп? Ему нужно было, чтобы вы выполняли для него разные поручения, так, мисс Джойс? Относить письма на почту, забирать книги из библиотеки? – Доктор Юнг встает, отталкивает кресло и приближается ко мне.

Я яростно мотаю головой:

– Я была его музой! Он нуждался во мне для вдохновения! Вы не понимаете!

– Откуда вам это известно? – Он нависает надо мной, раскачиваясь и шмыгая носом.

– Это все знали! Люди говорили об этом в барах на Монпарнасе. Он всегда наблюдал за мной, не сводил с меня глаз. Вот подождите, выйдет его книга. Вы найдете меня там на каждой странице!

В голове у меня стучит, выдернутые лисьи волоски под шубой прилипают к влажной от пота коже. Что, если я не права? Что, если меня нет в книге? Что, если на самом деле он смотрел на меня не ради вдохновения, а из-за чего-то... отвратительного и развратного? Я пытаюсь встать. Мне нужен воздух, кислород. Доктор вдруг увеличился в размерах, раздулся, заполнил собой весь кабинет и оттеснил меня в угол. Он вот-вот раздавит меня, я не могу дышать.

– Я вызову медсестру, и она сопроводит вас обратно в санаторий. – Доктор аккуратно направляет меня к двери и добавляет: – Сегодня у меня ужинает доктор Негели. И я не забуду спросить его о результатах вашего анализа крови, мисс Джойс.

Доктор Негели. Ужинает у меня. Анализ крови. Его слова перекатываются у меня в голове, как камни, и внезапно меня охватывает порыв гнева. Легкие наполняются синим ледяным горным воздухом, а глаза заволакивает кровью.

Я резко разворачиваюсь на каблуках. От ярости мой голос звучит выше и громче:

– В таком случае я сообщу вам сама! Я не потерплю, чтобы вы сплетничали обо мне за своим швейцарским сыром!

Доктор Юнг слегка приобнимает меня, открывает дверь и подталкивает меня наружу. Где-то беспрестанно лает собака, и ее лай рикошетом отдается внутри моего черепа.

– Неужели у меня не может быть секретов? Ничего личного? Ничего моего – только моего! – Я поворачиваюсь к доктору спиной. Мне стыдно, что я так неожиданно поддаюсь бешенству. Воспоминания о смиренной рубашке еще так свежи... они режут, словно нож. *Я больше никогда не окажусь в смиренной рубашке! Никогда...*

– Конечно, есть вероятность, что доктор Негели мне ничего не скажет, – успокаивающим тоном произносит доктор Юнг, но я-то знаю, что он лжет. Просто старается меня утихомирить.

– Я скажу вам сама!

– Прекрасная мысль. – Он гладит меня по руке, как будто треплет собаку по шее.

– Сифилис! – Я выплевываю ненавистное слово и делаю глубокий вдох. В просторном холле с огромными окнами, из которых открывается вид на холмы, доктор уменьшается, и я снова обретаю возможность дышать. – Он проверяет мою кровь на сифилис! Они все думают, что у меня сифилис!

– И в этом случае вы должны продолжать писать мемуары. – Доктор Юнг похлопывает меня по плечу. – И не потеряйте новое пальто, мисс Джойс. Наступает зима, а в это время года в горах очень холодно.

Глава 5

Декабрь 1928 года

Париж

В первый рабочий день мистера Беккета я пораньше ускользнула с урока, принеслась домой и уселась в прихожей в продуманно-небрежной позе. Я знала, что он прибудет минута в минуту. Не только потому, что было очевидно, как он восхищается моим отцом; было в нем нечто крайне педантичное. Я не смогла бы объяснить, почему так в этом уверена, но я бы руку дала на отсечение, что мистер Беккет ценит порядок и точность. И действительно, как только пробили часы, раздался звонок в дверь. На пороге стоял он, серьезный, яркоглазый, с толстой книгой под мышкой.

– Здравствуйте, Сэм, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно.

– Добрый день, мисс Джойс... Лючия. – Он вошел в прихожую и остановился, глядя на меня.

– Вы купили это для баббо? – Я кивком показала на книгу.

– «Большие надежды». Там есть отрывок про реку Темзу, который я хотел бы зачитать вашему отцу. – Он умолк и через мое плечо посмотрел на дверь отцовского кабинета, как будто призывал ее отвориться, словно вход в пещеру Аладдина.

– О да, ему это понравится. Мама говорит, если он упомянет еще хоть одну реку, она сойдет с ума. Он знает их все – каждую реку в мире. И в тот момент, когда меньше всего этого ожидаешь, он вдруг начинает их перечислять. Одну за другой, без остановки.

– В самом деле? – Глаза мистера Беккета скользнули по мне, а затем он снова уставился на дверь.

– Нил... – прошептала я драматическим тоном. – ...По... Амазонка... Янцзы... Темза... Эйвон... Сена... Не говоря уж о величайшей реке на свете – Лиффи.

– Ах да, Лиффи, – эхом отозвался мистер Беккет и быстро взглянул на часы.

– Когда мы встречались на прошлой неделе, я забыла рассказать вам о библиотеке мисс Бич. Она – та самая леди, что опубликовала «Улисса». Это лучшая библиотека и книжный магазин во всем Париже. «Шекспир и Компания», на рю де ль'Одеон.

Мистер Беккет переминался с ноги на ногу, словно в ботинках у него было полно иголок и булавок.

– Без нее мы бы пропали, – продолжила я. – Так как вам нравится Город огней, Сэм?

Мистер Беккет снова нервно взглянул через мое плечо.

– Я не хочу опоздать к началу рабочего дня. Вы думаете, мне постучать?

Из кабинета донесся хриплый незнакомый голос, и он недоуменно нахмурился.

Я засмеялась:

– Он учит испанский. На слух, по граммофону. Сегодня у него уже был урок русского с мистером Понизовским, а теперь вот испанский.

Мистер Беккет почти вытаращил глаза.

– На скольких же языках он говорит?

– Он постоянно изучает новые. В каждом отпуске мы куда-нибудь едем, чтобы он мог провести исследования для своей книги, и он всякий раз старается выучить еще один язык. Фламандский, уэльский, провансальский диалект... – Я закатила глаза и беспомощно пожалала плечами, показывая, как это непросто – жить с гением.

Мистер Беккет откашлялся и в очередной раз посмотрел на часы. Я уже собиралась рассказать ему историю о том, как мы с баббо вместе учили голландский, но тут появилась мама, сердито нахмуренная, с блестящими от мыла руками.

– Лючия, проводи мистера Беккета в кабинет. Сейчас же. Джим ждал его все эти пять минут. Мистер Беккет, проходите. – Она хлопнула в ладоши, будто разгоняя двух сцепившихся дворовых кошек. Полетели клочья мыльной пены.

– Он слушает урок испанского, – запротестовала я. – Кроме того, я как раз говорила Сэму о книжном магазине мисс Бич.

Но мистер Беккет уже прошел вперед по коридору и теперь стучал в дверь кабинета баббо. А мама сверлила меня яростным взглядом.

– В этом доме он – мистер Беккет, – твердо сказала она. – А теперь, бога ради, помоги мне со стиркой. Твоему отцу нужна свежая наволочка каждый день – так сильно у него гноятся глаза. А эти боли в животе меня просто убивают. Клянусь небом, завтра я, наверное, уже буду лежать в гробу. – Мама сердито вытерла руки о фартук и вернулась в кухню.

Часом позже она застала меня под дверью кабинета – я с наслаждением слушала звучный голос мистера Беккета, читавшего вслух.

– Что еще ты тут делаешь, девчонка? Бьюсь об заклад, подслушиваешь! – Мама с отчаянием покачала головой.

– Я лишь жду, когда они закончат, чтобы предложить им напитки, – негодуя возразила я.

В конце концов послышался скрежет стульев по полу и мистер Беккет сказал, что ему пора уходить. Мое сердце пустилось в уже хорошо знакомый мне галоп. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, но мама принялась жарить почки, и запах жира забил мне легкие. Меня слегка затошнило.

– Приветствую вас снова, – удивленно, но и с удовольствием проговорил мистер Беккет, выйдя из кабинета. Выглядел он куда более расслабленным и довольным, чем по прибытии.

– Понравился ли баббо Чарльз Диккенс?

– Я полагаю, мои старания были оценены. – Мистер Беккет осторожно провел рукой по волосам и задержал ее на затылке.

– Как ваши комнаты? Может, вам чего-нибудь не хватает? – Я стояла так близко к нему, как только позволялось приличиями, и про себя кляла маму, которой вздумалось жарить почки именно теперь! Если бы не она, я могла бы чувствовать запах мистера Беккета.

– Там холодно. – Он поежился. – И запирают слишком рано.

– Запирают?

– Да, они закрывают ворота на замок в одиннадцать часов. Мне редко удастся попасть домой к этому времени, так что приходится перепрыгивать через ограду. – Он сконфуженно улыбнулся, и у него сделался совершенно мальчишеский вид. Однако в то же время он выглядел и настоящим мужчиной.

Мне ужасно захотелось дотронуться до него, но я сплела руки, чтобы избежать искушения, и спросила, не могу ли я помочь ему с прыжками.

– Поскольку я танцовщица, у меня отлично получаются прыжки, – провозгласила я, помня слова Киттен о том, что нужно быть менее скромной.

– В самом деле? – Он чуть наклонил голову вперед и пристально взглянул на меня исподлобья.

На минуту мне показалось, что я плаваю в его немигающих синих глазах, – странное, но отнюдь не неприятное ощущение. И меня внезапно пронзила мысль: хотя он довольно-таки малоразговорчив, его глаза сообщают мне гораздо больше, чем любые слова.

Я сделала небольшое шассе⁷.

– Самое главное – это правильно приземлиться. Иначе можно потянуть колени и щиколотки. Вам нужно сделать довольно высокий прыжок, чтобы перескочить через эту ограду. Возможно, вам поможет гранд жете⁸. Хотите, я вам продемонстрирую?

Мистер Беккет прижался к стене, словно испугался, что я нечаянно ударю его ногой.

– А вы не можете возвращаться домой, пока ворота еще открыты? – Я почувствовала, что невольно становлюсь на мыски. Все эти разговоры о прыжках, теснота прихожей и невозможный запах жарящейся требухи, от которого некуда было спрятаться, возбудили во мне неодолимое желание двигаться.

– Я дурно сплю по ночам. Так что иного выбора у меня нет – только прыгать.

– Бессонница? – сочувственно поинтересовалась я и обвила одну ногу вокруг другой. – Или вы просто ночная птица – сова?

– И то и другое. – Он двинулся к двери, и я инстинктивно протянула руки ему вслед. Но неожиданно он обернулся, так крепко сжимая «Большие надежды», что на тыльной стороне его рук проступили голубые вены. – Не хотели бы вы выпить у меня чаю? Через две недели?

– Это было бы замечательно, мистер Беккет. Сэм.

Приложив неимоверные усилия, я заставила себя ответить ровно и плавно, хотя моя кровь тут же вскипела и быстрее побежала по венам. А потом он ушел, и в прихожей застыла тишина, которую нарушало только тиканье часов. Я вскинула руки вверх, на бегу делая пируэты, поспешила к окну гостиной, а затем прижалась лбом к стеклу и увидела, как мистер Беккет вышел из подъезда и повернул на рю де Гренель. Мне вспомнились слова месье Берлина о том, что самые сильные эмоции нужно выражать через танец, я закружилась по гостиной, вздымая руки и ноги и замирая в эффектных позах.

– Никаких танцев в моей лучшей комнате! – возопила мама, но мне было все равно. В кои-то веки я решила послать все к черту. Сэм Беккет пригласил меня выпить с ним чаю, и никакие мамины слова или поступки не могли меня остановить.

Мистер Беккет прибывал ровно в пять часов каждый день. И когда он уходил, совсем уже вечером, мне казалось, что в доме гасли все огни. Несколько минут я не могла прийти в себя от грусти, медленно привыкая к квартире, в которой нет его. Это было крайне странное, тягостное чувство. Но мысль о том, что он пригласил меня на чай, и уверенность, что наши судьбы неразрывно связаны, помогали мне поддерживать бодрость духа.

Несколькими днями позже, когда я как раз сидела в гостиной, переживая уже привычные печальные минуты после ухода мистера Беккета, в дверь снова позвонили. Думая, что это он – вернулся за книгой или забытым шарфом, – я бросилась открывать. Однако это был не мистер Беккет. На пороге стоял Эмиль Фернандес. Мое сердце сжалось от разочарования, но я уже давно не видела Эмиля, к тому же мне не хотелось задеть его чувства, и поэтому я ослепительно улыбнулась. Баббо всегда называл эту мою улыбку «витринной».

В прихожую вышла мама, с только что уложенными в прическу волосами и свежей блестящей помадой на губах.

– Добрый день, мистер Фернандес. Мы с вами уже с месяц как не видались. – Она стояла очень прямо, расправив плечи и приподняв подбородок.

– Прошу меня простить. Я был очень занят – работал над новой оперой, миссис Джойс. – Эмиль слегка поклонился. – Надеюсь, вы пребываете в добром здравье?

⁷ Шассе – в балете прыжок с собиранием вытянутых ног в воздухе в V-позиции и одновременным продвижением в каком-либо на правлении.

⁸ Гранд жете – в балете прыжок с одной ноги на другую, во время которого ноги раскрываются в шпагате.

– Нет. У меня страшные боли, а у мистера Джойса ужасно плохо с глазами. Не знаю даже, что с ним станется. Или со мной. – Мама театрально вздохнула. – С минуты на минуту должна прийти миссис Флейшман, чтобы перепечатать его записи, – он делает их мелком. Но у нас найдется время выпить чашечку чая, не так ли, Лючия?

Эмиль прошел вслед за нами в гостиную, и ему пришлось подождать, пока мы с мамой убрали карты, которые баббо разложил по всему дивану.

– Я не знаю, что у всех не так с глазами в этой семье, – пробормотала мама и бросила на меня осуждающий взгляд.

– Мы все очень боимся, что баббо может совсем ослепнуть к концу года. – Я сделала жест в сторону освобожденного от карт дивана.

Эмиль продолжал стоять, сжимая в обеих руках шляпу и сильно моргая. От того, что он так явно нервничал, я тоже ощутила некоторое стеснение. Таким я его еще не видела.

– Пожалуйста, садитесь, – сказала я. – Мне хочется услышать все об этой новой опере, что вы сочиняете.

– Иди и приготовь нам чаю, Лючия. – Мама уже собиралась опуститься в кресло-качалку, как раздался еще один звонок в дверь. – А вот это уж точно миссис Флейшман. Подожди здесь, Лючия, вдруг и она захочет чаю.

Эмиль присел на краешек дивана и быстро облизнул губы. Его пальцы продолжали терзать поля шляпы.

Я ожидала, что сейчас он начнет рассказывать о новой опере, но Эмиль молчал, и тишина уже становилась неловкой.

– Мама не очень хорошо себя чувствует, – наконец выдавила я. – Возможно, ей придется лечь в больницу. Врачи думают, что ей, кажется, нужна операция.

– О, я очень сожалею. Ей, должно быть, сейчас нелегко, – отозвался Эмиль. – Но как *вы*, Лючия? Джорджо говорит, вы постоянно танцуете. Работаете над чем-то новым? – Прозвучавшее слово «танцуете», он чуть-чуть пошевелил пальцами, и его руки отчего-то напомнили мне крылышки едва оперившихся птенцов.

– Да, – с облегчением сказала я. Слава богу, что эта затянувшаяся пауза прервалась. – Я пытаюсь поставить танец для моей труппы, где танцовщицы будут превращаться в радугу. Хочу обить черной клеенкой всю сцену и потолок. И может быть, использовать неоновые лампы, чтобы создать такой эффект, будто лучи солнца прорываются сквозь затянутое тучами небо, то есть через клеенку. – Я хотела спросить Эмиля, не напишет ли он для меня музыку, но заметила, что у него очень странное, какое-то застывшее выражение лица. – Вам не нравится то, что я задумала? – обиженно поинтересовалась я.

– Нет-нет, что вы. Но я хотел задать вам один вопрос. – Его пальцы пробежались по шляпе, по коленям и поднялись к полосатому галстуку. Он немного потеревил складки и довольно громко сглотнул.

– Не хотите ли перекусить? – предложила я.

У Эмиля был вид человека, который вот-вот потеряет сознание, словно он уже несколько дней ничего не ел. Он проговорил что-то в ответ, но я ничего не разобрала. Тогда, видя мое непонимающее выражение лица, Эмиль поднялся с дивана и подошел к двери, где я стояла в ожидании, что мама прикажет мне приготовить чай для миссис Флейшман. Совершенно неожиданно он опустился на одно колено и сжал мои руки в своих.

– Лючия, я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Я прислонилась к косяку и некрасиво приоткрыла рот. В одно мгновение все, что я знала об Эмиле, вихрем пронеслось у меня в голове: его огромный, наполненный солнцем дом с персидскими коврами, роялями и цветами из оранжереи, его бабушка, которая целыми днями сидела в бальной зале, увешанная бриллиантами, его знаменитый кузен-композитор со своей не менее знаменитой женой-актрисой.

– Лючия? Лючия? Что такое?

– Мне... мне оч-чень жаль, – заикаясь, пробубнила я. Перед глазами, затмив образы дома Эмиля и его известной семьи, возникло совсем другое видение. Мы работаем вместе. Я кружусь по бальной зале, его пальцы лежат на клавишах рояля. Мы вместе склоняемся над нотами; я отбиваю ритм ногой, а он размахивает в воздухе карандашом, словно это палочка дирижера. А баббо аплодирует нам из угла. Именно такое будущее я себе рисовала. Но эта мечта поблекла, утонула в синем океане глаз мистера Беккета... ее заслонили его худые загорелые руки, светлые волосы, зачесанные назад, словно их сдул со лба порыв ирландского ветра. Мои глаза наполнились слезами. Я попыталась не думать о мистере Беккете, но это было безнадежно.

– Я не хотел тебя расстраивать. – Эмиль снова сглотнул и поймал мои ладони. – Я думал, что нравлюсь тебе... Джорджо сказал... Джорджо был уверен... – Он стыдливо замолчал. Мы слышали голос мамы в прихожей, и он все приближался и приближался – она вела миссис Флейшман к гостиной. Я закусила губу и быстро отерла глаза. Нужно успеть сказать все до их появления.

– Но ты же еврей, Эмиль! – выпалила я. – Пожалуйста, сядь на диван, как будто ничего не происходит. Быстрее! Пока не пришла мама.

Эмиль попятился обратно к дивану. На его лице были написаны изумление и боль.

– Я не знал, что для тебя это препятствие.

– Ты не можешь жениться на *мне* – я ведь не еврейка! Ради бога, да сядь же! Мама идет!

– Но моя семья *хочет*, чтобы я взял тебя в жены. Им все равно, что ты не еврейка.

– Я... просто не могу, Эмиль. – Я покачала головой и отодвинулась в сторону, освобождая проход маме и миссис Флейшман. – Мистер Фернандес уже уходит. – Я не хотела быть такой грубой и жестокой, но слова, резкие и безжалостные, будто сами по себе выпрыгнули у меня изо рта.

Лицо Эмиля вытянулось, а в глазах мелькнуло настоящее страдание.

– До свидания, миссис Джойс. До свидания, Лючия. – Он взял шляпу и трость и напоследок еще раз умоляюще взглянул на меня.

Я уставилась в пол, стараясь уложить все случившееся в голове. Почему я ответила так решительно? Почему вела себя настолько бессердечно? Секундой позже до меня донесся звук затворившейся двери. Это означало, что Эмиль ушел, возможно, навсегда. Мама с любопытством посмотрела на меня.

– Быстровато он ушел. И даже не захотел чаю, Лючия? – Она повернулась к миссис Флейшман: – Почему бы вам сразу не пройти к Джиму? Сегодня много чего нужно напечатать, если вы, конечно, сумеете это разобрать. Он писал голубым мелком. Понятия не имею, как он отличает один конец от другого.

Миссис Флейшман тоже на меня посмотрела – довольно странно, будто заметила следы слез на моем лице.

– С вами все хорошо, Лючия? – с деланным сочувствием спросила она.

Я взглянула на ее серое, цвета крыла голубки, бархатное платье с кружевной отделкой и крохотными перламутровыми пуговками, на несколько нитей крупных жемчужных бус, нежно переливавшихся на шее, на соболье манто, перекинутое через руку. Эту уверенность, манеру держать себя могло дать только богатство. Я молча покачала головой и вышла.

Первым о предложении Эмиля – и моем отказе – услышал Джордж. За несколько дней до того, как мы должны были встретиться с мистером Беккетом за чаем, он неожиданно ввалился в мою спальню. Я сидела за туалетным столиком в ночной сорочке, расчесывала волосы и обдумывала па для танца, который про себя уже называла «Танец радуги». Днем Киттен протанцевала для меня короткий отрывок на куске черной клеенки, который я бесстыдной лестью выманила у жены торговца рыбой. Свет отражался от нее бесподобно, но меня беспокоило, что

это будет отвлекать танцовщиц. И не осложнит ли это движения, которые я придумала? Как сделать так, чтобы танцовщицы точно не поскользнулись? Вокруг зеркала я приколотла фотографии танцоров, которыми больше всех восхищалась: Анна Павлова, Айседора Дункан, ее брат Раймонд и сестра Элизабет, Мадика, Вацлав Нижинский, Архентина. Там же висел портрет и моей новой героини – англичанки Маргарет Моррис. Я часто смотрела на них, чтобы придать себе уверенности. Именно в тот момент, когда я разглядывала снимки, и появился Джордже.

– Сегодня вечером я виделся с Эмилем. – Нетвердым шагом он двинулся ко мне, одной рукой ослабляя узел галстука. Его лицо было немного одутловатым и каким-то темным.

Я хотела спросить, как там Эмиль, но выражение Джордже не располагало к дружескому любопытству, поэтому я промолчала и продолжила расчесывать волосы.

– Он сказал, что попросил твоей руки, а ты ему отказала. Это правда, Лючия?

Я кивнула. Джордже должен меня понять – нужно только сказать, что я не люблю Эмиля. В детстве мы часто придумывали истории любви о Наполеоне и Жозефине и сравнивали их с романтическим побегом мамы и баббо. Но Джордже не дал мне ответить. Он качнулся ко мне.

– Ты с ума сошла? – Капельки слюны обрызгали мою голую руку. – Ты знаешь, как богата семья Фернандес? Как ты могла быть богата? Как *мы* могли быть богаты? – У Джордже заплетался язык, и вокруг него, словно ядовитое облако, стоял запах алкоголя и пота. – Так в чем дело?

Что не так? Причина не в Эмиле. Эмиль всегда всем нравится.

Я покачала головой, изумленная этой едва подавляемой яростью и разочарованием.

– Ты думаешь, что на тебя посыплются предложения? Так ведь? Может быть, гораздо более выгодные предложения? – Он презрительно фыркнул. – Ради бога, Лючия! Ты забыла о войне? Забыла, как мало мужчин осталось?

Я собралась ответить, но Джордже снова не дал мне заговорить, осыпав новыми вопросами.

– А тебе известно, сколько красивых девушек выскочили бы замуж за Эмиля, щелкни он только пальцами? Богатых еврейских девушек, у которых не косят глаза! Он может взять в жены любую, какую пожелает. – Он с силой дернул узел галстука и наконец развязал его. – У тебя был шанс сбежать отсюда, принести в дом настоящие деньги. Его семья могла бы нам помочь самыми разными способами. Ты вообще когда-нибудь думала об этом? – Горячее дыхание Джордже, его гнев обжигали мне шею. Но внезапно его голос смягчился. – Еще не поздно все исправить. Я скажу ему, что это была ошибка и что ты передумала. Разве тебе не хочется иметь все, о чем ты когда-либо мечтала?

Я опять покачала головой, совершенно раздавленная. Мне хотелось спросить, как Эмиль, узнать, потеряла ли я навсегда его дружбу. Но злоба Джордже так меня расстроила, что я вызвала в памяти лицо мистера Беккета и ухватила за его образ, как утопающий цепляется за проплывающую мимо ветку.

– У тебя могут быть меховые пальто и машина с шофером. Подумай, как семья Фернандес могла бы помочь отцу! И всем нам! – Он замолчал, и я поняла, что он думает не только о деньгах Фернандесов, но и о том, как связи Эмиля в музыкальном мире могли бы способствовать его собственной карьере певца. Через минуту, показавшуюся мне часом, Джордже заговорил снова. Вкрадчиво, медоточиво: – Может быть, еще не слишком поздно. Мы можем сказать Эмилю, что ты изменила решение.

– Я не могу выйти за Эмиля, – прошептала я.

– Но почему? – загремел Джордже. Он начал расхаживать по спальне, со злостью впечатывая каблуки в пол. – Что. Не так. С Эмилем.

– С Эмилем все хорошо. Я просто не люблю его. – Я так сильно провела щеткой по волосам, что оцарапала голову.

– Это неслыханно! Ты забыла, через что нам пришлось пройти? Все эти годы, когда мы никогда не ели досыта, жили в грязных вонючих комнатенках, меняли одну завшивленную постель на другую? – Джорджо остановился возле табурета, где я сидела, нагнулся и заглянул мне в глаза. Его взгляд стал мягче, добрее, он как будто взывал к близости и дружбе, что так крепко связывали нас в детстве.

Мои мысли вернулись в прошлое, к тем мрачным, унылым дням, когда мама брала белье в стирку, а баббо учил, а потом писал весь день и пил всю ночь. А мы с Джорджо сидели, час за часом слушали, как скребутся мыши за стеной, и играли в домино. Если я проигрывала, то в ярости швыряла костяшки об пол, а Джорджо терпеливо собирал их, раскладывал и в следующий раз позволял мне выиграть. Где же теперь тот Джорджо?

Он наклонился еще ниже. От него сильно пахло бренди, и что-то темное и нехорошее шевельнулось в глубинах моей памяти. Я вздрогнула и отстранилась. Но он опять придвинулся ближе.

– Помнишь старые дни в Цюрихе, Лючия? Когда мать и отец отправились выпивать и оставили нас одних, как поросят в свинарнике? Помнишь, как ты чуть не упала с балкона, пока мы кричали им вслед?

От слов Джорджо картина предстала передо мной так ясно, что на секунду мне почудилось, будто мы и вправду снова в Цюрихе, в той старой квартирке. Я с силой замотала головой. Я не хотела думать о прошлом. Оно забыто. Закончено.

– Я спас тебе жизнь.

Я положила щетку и искоса взглянула на него. Зачем он напомнил мне об этом? Хитрая уловка, попытка сказать мне, что мы снова можем оказаться в том же ужасном положении? В нищете и грязи?

– Я думал, что не удержу тебя там, на балконе, Лючия.

Джорджо положил руку мне на колено. На минуту мне показалось, что, возможно, мне стоит быть с ним честной. Не обращать внимания на растущую брешь между нами и рассказать все о мистере Беккете. Но в его глазах вдруг засветились враждебность и холодное любопытство.

– А... это кто-то другой, верно? Вот почему ты отказала бедному старому Эмилю! Я вижу это по твоему лицу. Ты ждешь предложения от другого! – Он выпрямился, торжествующий и самодовольный. – Так кто же это, Лючия? Для кого ты себя бережешь?

Я качнула головой. Ничего я ему не скажу. Я хочу, чтобы вернулся мой прежний Джордже. А этот, новый, пьяный, ушел. Что-то в нем пугало меня.

– Могу только надеяться, что он богат, – произнес он горько, словно его в чем-то надули.

Я схватила щетку и сжала ее так крепко, что заболели костяшки пальцев.

– Почему все должно сводиться к деньгам, и только к деньгам? А как же любовь? Помнишь, как мы с тобой говорили о любви, о том, каково это – влюбиться? Что с тобой случилось, Джорджо?

Он направился к двери.

– Потому что на свете нет ничего, кроме денег. Наша бедность так постыдна, так унижительна. Это ощущение преследует меня, Лючия. – Джорджо обернулся, и я заметила, что в его затуманенных алкоголем глазах темнеет страх. – То, как отец просит денег... Он думает, что в этом нет ничего страшного – брать деньги у чужих людей и пускать их на ветер. Но мне кажется, что это такой позор...

Я едва не вскрикнула от жалости. Но Джорджо, пошатываясь, снова подошел ко мне.

– Мы с тобой не гении. У нас нет и не будет богатых покровителей, как у отца. Ты не можешь притвориться, что любишь Эмиля? У аристократов это получается. Они женятся ради денег и продолжения рода. И в аду они видали эту любовь!

Я поразилась.

– Ты считаешь, что мне следует выйти замуж за Эмиля, не любя его? Только из-за его денег?

– И из-за... из-за его связей! – прошипел Джорджо. – Чтобы помочь всем нам. Ты в самом деле хочешь навсегда остаться девочкой на побегушках в этом доме? – Он отвернулся и нетвердым шагом побрел к двери.

– Я танцовщица! – с негодованием воскликнула я. Жестокие слова Джорджа и его презрение к моим занятиям повергли меня в шок. – Я буду знаменита! И я помогаю баббо, потому что он нехорошо себя чувствует и нуждается во мне. И это не означает, что я – девочка на побегушках! – Фотографии моих кумиров смотрели на меня, придавая смелости. – Мои танцы его вдохновляют, и ты это знаешь. Для меня это самое важное в жизни.

Джорджо сердито хмыкнул, и в уголке его рта выступила слюна.

– А я думал обо всех этих бесконечных письмах, что ты за него пишешь, о постоянных «сходи», «принеси», «сделай»... Эмиль предложил тебе выход из положения, а ты оказалась так глупа, что отвергла его. Как ты могла поступить настолько эгоистично! – Раскачиваясь, он стоял в дверях. – Подумай об этом, Лючия.

И лишь тогда мне вспомнилось то, о чем Джорджо говорил раньше, – его намеки на то, что у меня есть тайный поклонник. Из меня будто выпустили воздух. Значит, моим тайным поклонником на самом деле был Эмиль? Или я все же смею надеяться, что это мистер Беккет?

– Мой тайный поклонник... – просипела я, но слова застревали в горле.

Сильно хлопнула дверь спальни, а из коридора донеслись раздраженные шаги Джорджо.

В ту ночь мне снилась Ирландия. Зеленая, влажная, словно приглашенная дождем. И мистер Беккет. Его рот походил на спелую сливу, а вздыбленные ветром волосы стояли над головой, как корона. Он звал меня из тумана, такого белого и густого, что я не видела ничего – только синее пламя его глаз. А затем рядом со мной в напоенном солью воздухе возникло его лицо – тела я разглядеть не могла. Оно будто подплыло ко мне и застыло. Зависло в тугих складках тумана. Он звал меня к себе. Я слышала его дыхание – редкое и тяжелое, как будто он сражался с туманом, как будто туман проникал в его глаза, нос, рот, просачивался в горло, легкие, сердце, душил его. Я тоже выкрикивала его имя, снова, снова и снова. Я протянула к нему руки. Но было слишком поздно. Белая дымка утаскивала его за собой, обволакивая, как мантия, – клубящиеся одежды призрака. Его уносило все дальше и дальше в море. И я осталась одна. Я стояла на мокрой траве и продолжала звать его. Но отвечало мне лишь эхо.

Потом я обернулась и увидела, что туман рассеялся, кругом было зелено и чисто. Мистер Беккет стоял рядом, обнимая меня за талию. А далеко в море виднелась маленькая фигурка, цепляющаяся за фортепиано.

– Помаша Эмилю, – велел мистер Беккет, и я почувствовала, как его пальцы бродят по моей спине. – Помаша, Лючия! Нужно всегда махать тонущим.

И его тон был столь повелительным, что я повиновалась и помахала рукой. Но маленький человечек и его фортепиано уже исчезли. Поверхность моря была блестящей и гладкой, как стекло.

Глава 6

Декабрь 1928 года

Париж

Мистер Беккет купил к чаю крошечные пирожные, лимонные, фисташковые и розовые, и подал их прямо в коробке. Он заварил «лао сун сяо чжун» и разлил его в чашки с выщербленными краями, поверх тоненьких кружочков лимона, которые отрезал перочинным ножом. Мы сидели в его маленькой гостиной на диване, пружины которого начинали стонать и жаловаться на жизнь, стоило нам только пошевелиться. Печка в углу время от времени выпускала облака дыма, отчего в комнате слабо, но отчетливо пахло гарью.

– Тут довольно голо. Почему бы вам не купить пару подушек или коврик? Или, может быть, картины? – Я еще раз оглядела гостиную. Серые стены с отстающей краской, простые полки, на которых мистер Беккет в алфавитном порядке расставил свои книги, запотевшие окна...

– А это отличная мысль. – Мистер Беккет потрогал воротничок рубашки и слегка оттянул его.

– Разве ваша мать не может одолжить вам что-нибудь подобное? Хотя бы старое покрывало, чтобы накрыть диван. Посмотрите, ткань совсем протерлась. – Я показала на обивку, сквозь которую кое-где пробивались пучки конского волоса. Еще чуть-чуть – и ее разорвут пружины. – И картины. Нужны картины, чтобы немного оживить стены. Иначе все это помещение слишком похоже на монашескую келью.

Несколько секунд мистер Беккет молча и сосредоточенно рассматривал гостиную, как будто вдруг увидел ее в первый раз.

– Вы говорили, у ваших родителей большой дом в Ирландии. Неужели там нет картин, изображающих ирландские пейзажи? Вам не кажется, что это было бы так приятно – просыпаясь, видеть Ирландию? – Я мечтательно вздохнула. – Расскажите мне еще о вашем доме, и огромном саде, и обо всех этих собаках и курах. – Мне нравилось, когда мистер Беккет описывал дом своего детства. Меня почти до слез волновало, что это было обычно. Нормально. Я уже представляла себя там – как я сыплю зерно курам или срываю яблоки с веток. – Расскажите о собаках. Какой они были породы?

– Мы, как правило, держали керри-блю-терьеров. – На мгновение лицо мистера Беккета стало грустным и задумчивым, но потом он словно очнулся и подвинул ко мне коробку, предлагая пирожные.

– Как их звали?

– Звали... э-э-э... Бамбл... и Бэджер... и еще Вулф... и... Мак. Моя мать предпочитает людям собак. – Он снял очки и рассеянно протер их краем свитера.

– И это ведь ваш отец построил дом, в котором вы родились? Они еще живут там? Вы всегда жили только в одном доме?

Мистер Беккет кивнул.

– Я хочу все-все об этом знать. Ну не молчите же! – Я аккуратно поставила чашку на перевернутый деревянный ящик, что служил мистеру Беккету кофейным столиком, и поудобнее устроилась на диване, не обращая внимания на скрипящие пружины.

– Я ведь уже все вам рассказал.

– Расскажите еще раз. Как вы гуляли с отцом в горах. И о вашей матери. Мне хочется знать о ней все. – Я едва не договорила: «Потому что в один прекрасный день она станет моей свекровью», но вовремя прикусила язык. Мистер Беккет чуть поморщился.

– Ей нравятся ослики. – Он помолчал, будто не знал, что еще можно добавить. – Ослики и собаки.

Он посмотрел на лежащие на коленях очки. Я вдруг догадалась, что, возможно, он приехал в Париж, чтобы убраться подальше от матери и Ирландии. В сущности, довольно похоже на баббо. На всякий случай я решила не задавать мистеру Беккету вопросов о его семье.

– Расскажите мне снова о саде. О лимонной вербене, что росла вокруг крыльца, нарциссах и розах. У нас никогда не было сада. – Я опять вздохнула, немного печально. – Каковы ваши самые ранние воспоминания, Сэм? Как вы лежите в плетеной колыбели в тени яблони?

– Нет, – коротко ответил он. – В утробе. Я помню, как я был в утробе матери. – Диван принялся издавать стоны – мистер Беккет никак не мог усесться и успокоиться. Он надел очки, снова взял коробку с пирожными и протянул мне.

– И на что это похоже? Находиться в утробе? – Я взяла бледно-зеленое пирожное и стала покусывать его по краям.

Мистеру Беккету было неловко, его неловкость передавалась и мне. Очень хотелось, чтобы он наконец расслабился.

– Ужасно. Темно и душно.

– Правда? А что-нибудь еще там происходило? Вы могли слышать звуки снаружи? Или ощущать запахи? – Я, горя от любопытства, наклонилась к нему. Возможно, и он одарен какими-либо сверхъестественными способностями.

– Никаких запахов я не помню. Но я слышал голоса. Разговор родителей, позвякивание фарфора, стук ножей и вилок. – Он крепко сцепил руки на коленях.

– Необычайно! А что они говорили? Вы разобрали слова?

– Не очень четко. – Он разжал пальцы и потянулся за сигаретами. Вытащил из пачки одну и несколько раз постучал по ней, прежде чем сунуть в рот.

– Вы должны рассказать баббо, – сказала я. – Он будет в восторге.

– Я родился в Страстную пятницу, – добавил мистер Беккет. – В пятницу тринадцатого числа. – Он зажег спичку, поднес дрожащий огонек к сигарете и глубоко затянулся.

– В самом деле? Тогда баббо лучше об этом не знать. Он крайне суеверен, и его мать умерла тринадцатого.

Я внимательно посмотрела на мистера Беккета, размышляя над услышанным. Все это неспроста. Рожденный в Страстную пятницу, в пятницу тринадцатого, сохранивший воспоминания о пребывании в утробе матери... И на его плечах лежало бремя памяти и больших ожиданий. Он тоже был особенным, не таким, как все, с рождения отмеченным особой печатью.

– Расскажите вы о себе, Лючия. – Мистер Беккет выдохнул облако дыма и сильно закашлялся. – Все эти ваши путешествия, как вы жили с отцом...

– Да, множество путешествий и множество разных домов, но ни у одного из них не было даже крыльца.

Я улыбнулась, как актриса на афише, и откинула голову назад, как бы отбрасывая прошлое. Я совершенно не намеревалась омрачать атмосферу нашей встречи обсуждением *моего* детства. Однако мистер Беккет настаивал. Он пожелал узнать, какие города более всего вдохновляли моего отца и где я ходила в школу.

– О, то там, то здесь. Я сменила восемь разных школ. Или девять? Или десять? Уже и не вспомнить. Три в Триесте, две в Цюрихе, одна в Локарно, еще две в Париже. В среднем почти одна школа в год. – Я надкусила пирожное. Я все еще помнила эти первые дни в новых школах и новых городах, руку Джорджо, сжимавшую мою руку, ошеломляющую пестроту новых лиц, говорящих на незнакомых языках, сосущий страх где-то в желудке.

– Должно быть, вам пришлось очень нелегко, – ласково произнес мистер Беккет. Он глядел на меня с такой нежностью, что на минуту мне захотелось рассказать ему все, снять груз с души, выпустить на волю все эти воспоминания, что я сматала в крепкие клубки и запрятала поглубже. Но вместо этого я просто доела пирожное, стряхнула крошку с колен и не сказала ничего.

– Какой язык вам нравится больше всего? – Мистер Беккет встал и подбросил в печку угля, наполнив комнату густым облаком дыма.

– Когда мы в кругу семьи, вчетвером, мы говорим по-итальянски. Когда приходят ирландские друзья баббо, мы переходим на английский. А мы с Джорджо пользуемся немецким, если не хотим, чтобы нас поняли друзья баббо. И естественно, мы говорим на французском, когда выходим в город. Это же Париж. Но больше всего я люблю итальянский. Баббо называет его языком любви. – Я погромче произнесла слово «любви», чтобы мистер Беккет расслышал его, шуруя в печке.

Мистер Беккет вернулся к дивану. Его лицо порозовело – не то от жара, пока он возился с печкой, не то от мыслей о любви... понять было сложно.

– Вы настоящий полиглот. Я завидую вам. Я пытался выучить немецкий, язык философии. Ваш отец бегло разговаривает на немецком? – Мистер Беккет осторожно уселся, стараясь избежать выпирающих пружин и пучков конского волоса, и вытер пот со лба.

– Да, – ответила я. Однако мне порядком надоело разговаривать о баббо, поэтому я решила сменить тему. – Сегодня День святой Люции. Известно ли вам это? – Я взяла из коробки нежно-розовое пирожное и надкусила его так изящно, как только могла.

– День святой Люции? – Мистер Беккет быстро скрестил ноги и тут же вернул их в прежнее положение. Он напомнил мне сверчка или кузнечика – сплошные ломаные линии и углы.

– Какая, в сущности, ирония. Святая Люция считается покровительницей слепых, а баббо почти слеп, Джорджо теперь тоже вынужден носить очки, а у меня... у меня тоже дефект зрения.

Я резко замолчала и отвернулась. Зачем я это сказала? Зачем нарочно привлекла внимание к своему косоглазию? Теперь у меня нет выбора, только продолжать. И с этой самой минуты, глядя на меня, он будет видеть только несимметричные зрачки.

– В самом деле?

Я почувствовала, как он впился в меня взглядом.

– Вы не замечали? Страбизм – так это называется в медицине. Баббо говорит, можно сделать операцию и все исправить. – Я подставила лицо свету, лившемуся в окно, и показала на свой левый глаз. – У меня он от матери. Но у нее это совсем в слабой форме, так что никто и не замечает.

Мистер Беккет поставил чашку, осторожно пристроил сигарету на край пепельницы и из-под нахмуренных бровей посмотрел на меня, склонив голову набок, как птица.

– Нет, я ничего не замечал, но теперь, когда вы привлекли к этому мое внимание...

– Каково ваше мнение, Сэм? Стоит ли мне сделать операцию? Баббо перенес их множество, и далеко не все принесли ему пользу. Кроме того, это так дорого.

– Я думаю, что вы... – Он помолчал и снова взял чашку с чаем. Я услышала, как она звякнула о блюдец. – Очень красивая, – наконец закончил он.

Я была так поражена, что уронила на пол пирожное, которое держала в руке, и принялась искать его, забившись чуть не под диван, чтобы скрыть смущение и восторг. По всей видимости, мистер Беккет тоже не собирался говорить это вот так, напрямую, поскольку он тоже ужасно сконфузился, покраснел и пролил половину чая на блюдец.

Я почувствовала, как мои щеки становятся алыми, а сердце подкатывает к горлу. Хорошо, что пирожное куда-то закатилось – у меня появился повод опуститься на колени и спрятать лицо. Красивая! Мистер Беккет считает, что я красивая! У меня вдруг закружилась голова. Все

мысли смешались, как будто кто-то засунул в нее ложку и хорошенько взболтал мозг. Сунув руку под диван, я отвела завесу паутины и обнаружила, что именно здесь мистер Беккет хранит свои работы. Вместо пропавшего пирожного я нащупала под выступающими пружинами пачки толстых конвертов. Слово «красивая» все еще звенело у меня в ушах, но пыль отвлекала, забивалась в нос, мне хотелось чихнуть. Я услышала, как мистер Беккет кашляет и спрашивает, все ли со мной хорошо, а потом умоляет не беспокоиться об этом несчастном пирожном. Я встала, оправила платье и стряхнула с рук пыль.

– Я думаю, что оно все же где-то там, – сказала я и немного неловко рассмеялась. – Я не хотела трогать ваши... ваши бумаги.

– Да оставьте его мышам. – Он в который раз сунул мне коробку, но глаза его при этом были опущены. Я заметила, что краска постепенно сползает с его скул... какие у него густые брови, словно распростертые птичьи крылья, и нос с горбинкой, похожий на клюв совы. И стройное тело, нескладное, скованное смущением. Как же я желала, чтобы он просто обнял меня и привлек к себе! Я сглотнула слюну и снова отряхнула платье, будто хотела сбросить с себя и свое желание, и его стеснение, и нашу общую робость. Боже, ну почему я не могла вести себя как современная молодая парижанка! Быть привлекательной, раскованной, дерзкой, как мои знакомые танцовщицы, как Стелла! Я проклинала своих родителей и их ирландскую мораль, которой они сковали меня по рукам и ногам. А потом мне вдруг пришло в голову, что мистер Беккет страдает от тех же самых оков, и мое сердце пронзило острое сочувствие.

Я покачала головой, отказываясь от пирожных, которые он все еще протягивал мне.

– Вы вернетесь в Ирландию на Рождество, Сэм?

– Лишь на очень короткое время. – Он водрузил коробку на горку книг и добавил: – А потом я, возможно, отправлюсь к моим дяде и тете в Германию.

– Не уезжайте надолго, пожалуйста. В январе мама ложится в больницу. Доктора подозревают у нее рак. Мы все вне себя от беспокойства, и баббо будет особенно нужна ваша помощь. – Мое пальто и перчатки лежали на письменном столе мистера Беккета. Я взяла их и постаралась отодвинуть в сторону тревожные мысли о маме. – Сегодня вечером баббо ведет нас ужинать в честь Дня святой Люции.

– О! – К мистеру Беккету вернулась уверенность, и он спокойно, как всегда, немигающим взглядом наблюдал, как я натягиваю перчатки.

– Солдаты выкололи ей глаза, но после того, как она приняла мученическую кончину, произошло чудо – у нее снова появились глаза. Совершенно нетронутые. – Я подумала, не сказать ли ему, что святая Люция была пророчицей, что она могла видеть будущее во сне и что я тоже иногда вижу будущее в своих снах. Нет, пока еще не время, решила я.

– Ах да, теперь я припоминаю. Она отказалась повиноваться своему мужу. – Мистер Беккет подошел к двери, открыл ее и придержал для меня.

По коридору плыл запах жареного лука, и слышно было, как журчит вода в соседней ванной комнате, которую он делил с соседом, и кто-то дергает за цепочку унитаза. Я понизила голос.

– И ее отдали в бордель, где лишили девственности. Все это довольно отвратительно. – Мистер Беккет на мгновение отвел глаза. Какой же он чувствительный, подумала я. Но конечно же – он ведь из Ирландии, где о таких вещах никогда не говорят. – А еще баббо называл меня в честь Люции ди Ламмермур из оперы Доницетти, – быстро проговорила я, меняя тему.

– Что же случилось с ней? – Мистер Беккет проводил меня по коридору до огромных деревянных дверей, выходящих на рю д'Ульм. В коридоре было холоднее, и сквозь запах лука пробивался влажный дух плесени.

– Она сошла с ума и покончила с собой. – Я надела пальто, готовясь выйти на улицу. – Ее предал собственный брат. А затем ее возлюбленный также покончил с собой, чтобы они могли

воссоединиться в раю. Очень печально, но музыка восхитительна. Это одна из моих самых любимых опер.

– В таком случае мне нужно ее послушать. – Мистер Беккет кивнул консьержу, который сидел, завернутый в одеяло, и читал газету. Затем он толкнул тяжелую дверь, и я ощутила на лице ледяное дыхание зимы.

– Вы непременно должны пойти с нами. Я узнаю, когда ее будут давать в Гранд-опера.

Я вытянула шею и расцеловала его в обе щеки. И вдохнула его запах, и ощутила тепло кожи... и позволила им задержаться на моих губах. И все это время у меня в голове звучал его голос: «Я думаю, что вы очень красивая». Снова, снова и снова.

По пути домой я не слышала ничего: ни грохота трамваев, ни резких гудков автомобилей, ни звуков оркестров, настраивающих инструменты перед выступлением в мюзик-холлах, ни криков газетчиков... ничего, кроме его слов, прекрасных слов... Мой тайный поклонник...

Неделю спустя случилось нечто изумительное. Я была в студии месье Борлина, с ее странными окнами-иллюминаторами с видом на базилику Сакре-Кёр и неровными полами, которые скрипели под ногами. Урок уже кончился, но месье Борлин знал, что моя мать не любит, когда я танцую дома, и поэтому, если дальше у него уроков не было, разрешал мне оставаться в студии и заниматься сколько угодно.

Сегодня я работала над «Танцем радуги», пытаюсь придумать, как мне синхронизировать некоторые более сложные последовательности из нескольких элементов. Накануне вечером я описала танец баббо, и он очень оживился и заставил меня продемонстрировать наиболее дерзкие отрывки. Он то и дело вскрикивал от восторга и хвалил их новизну и энергию, пока не появилась мама и не велела мне надеть нормальную одежду и вести себя как подобает леди. Но сейчас, когда я склонилась к станку, мне вспомнились слова баббо о парении и переплетении со светом. Бедненький февральский свет струился из иллюминатора и дрожащей полосой падал на паркетный пол. Я скользнула к нему, выбросила руки вверх и согнула тело в идеальную дугу.

– А, мисс Джойс. Рад, что застал вас. Я боялся, что вы могли уже уйти.

Месье Борлин стоял в дверях, поглаживая свой жилет на груди рукой в перчатке, и наблюдал за мной через монокль.

Я выпрямилась и вытянула руки по швам. Что-то в выражении его лица неприятно задело меня. Кроме того, наш учитель был не из тех, кто ведет пустые светские беседы.

– Садитесь. – Он достал из нагрудного кармана фестончатый веер и показал на позолоченное плетеное кресло рядом с фортепиано.

– Но это же ваше кресло, месье. – Я неуверенно двинулась вперед. Никто не смел сидеть в нем, кроме самого месье Борлина.

– Мне и так придется просидеть целый вечер в театре Елисейских Полей.

Я пристроилась на краешек кресла, пытаюсь угадать, что же он хочет мне сообщить. Какая новость может быть настолько ужасной, что мне нужно сесть, чтобы выслушать ее? Я вдруг решила, что он хочет выгнать меня. Месье Борлин был печально известен тем, что безжалостно вышвыривал вон учениц, которым не доставало таланта или дисциплины. Я почувствовала, как окаменели мышцы.

– Я взял на себя смелость записать вас на Международный фестиваль танца, который будет в апреле. Понимаю, что извещаю вас об этом несколько поздно, но уверен, вы готовы к испытанию.

– Что? – непонимающе нахмурилась я. Меня? Может, я неправильно расслышала?

– Позвольте мне быть с вами откровенным. Вы – моя самая талантливая ученица. Современный танец – это алфавит, с помощью которого можно выразить невыразимое. И вы понимаете это лучше, чем кто-либо, мисс Джойс. – Он раскрыл веер и принялся обмахивать лицо, пока я раздумывала над тем, что сказал месье Борлин.

– Что мне нужно будет сделать?

– Подготовить два сольных танца, которые вы придумаете сами. К тому же вам необходимо придумать для них костюмы и постановку. Вы обладаете способностью побеждать, мисс Джойс. – Он захлопнул веер и стал рисовать им в воздухе причудливые фигуры. – Танцовщицы – это пионеры нового рассвета искусства. Я вижу это в вас. Вы двигаетесь так раскованно и выразительно и в то же время полностью контролируете свое тело. Как вам это удастся?

– Я начинала с гимнастики, – неуклюже объяснила я. Жаль, что мне нечего больше сказать на эту тему, нет более красочной и достойной истории.

– Да, это заметно. Если уж на то пошло, вы больше акробатка, нежели балерина. Но речь не об этом. Танец – это когда вы как будто рассказываете о чем-то с помощью тела, и вы инстинктивно это понимаете. Я чувствую в вас, мисс Джойс, сильнейшие эмоции, ничем не прикрытые, превращенные в нечто в высшей степени незаурядное. Возможно, даже исключительное. Это дар, мисс Джойс, настоящий дар. – Месье Борлин засунул веер обратно в карман и сощурил прикрытый моноклем глаз.

– Спасибо, месье. – Мне хотелось петь от радости и торжества, но голос не слушался меня. Я говорила медленно и запинаясь, словно была во власти каких-то странных чар. Мной овладело желание пересечь студию огромными прыжками, в танце вылететь на улицу и кружиться до самой Сакре-Кёр, чтобы весь Париж видел мои ликующие пируэты и па. Или закричать от счастья, чтобы мой победный вопль достиг луны и звезд: «Я талантлива! Месье Берлин сказал, что я талантлива!»

– Всего через три месяца вам предстоит соревноваться с самыми лучшими танцовщицами со всего мира. Состав жюри пока еще не утвержден окончательно, но будьте уверены – в него войдут самые известные и выдающиеся танцоры. – Он немного пофыркал носом и развернулся, собираясь уходить. – Заприте дверь, когда закончите, мисс Джойс, и положите ключ в обычное место.

Как только он вышел, я проделала самый высокий гранд жете, какой только могла. Я повторяла прыжок снова и снова. Да, я знала, что мне нужно начинать работать над хореографией конкурсных танцев, но моя голова была слишком легкой, а сердце переполнено восторгом, и все, чего мне хотелось, – это танцевать, танцевать и танцевать. Я прошла колесом по всей студии – три, четыре, пять раз. Туда и обратно. Туника вдруг показалась мне слишком тяжелой, слишком сковывающей. В ней было невыносимо жарко. Холщовые балетные туфли тоже жали ноги. Мне было тесно. Одним махом я сбросила и туфли, и тунику, оставшись в одних только особых трусиках, которые я надевала на занятия, и маечке. Прохладный воздух студии целовал мои голые руки и ноги. Печка уже погасла, но меня мучил жар, и в одно безумное мгновение я едва не сняла с себя вообще всю одежду, чтобы танцевать обнаженной.

Я сделала несколько обратных сальто. И когда мои ноги в очередной раз оказались над головой, до меня донеслось легкое покашливание. Я неуклюже приземлилась, споткнулась и схватилась за станок. По шее медленно начала расплываться краска стыда, и я пожалела, что не осталась в тунике. Конечно же месье Борлин забыл свой веер. Или, может, потерял монокль. Однако это был вовсе не месье Борлин, а мистер Беккет.

– Я подожду снаружи, – хрипло произнес он, как будто его горло было забито мелкими камушками. – Ваш отец сказал, что вы должны быть здесь. А я как раз проходил мимо.

Я взглянула на свои огромные, неизящные трусы для танцев и внутренне скорчилась от стыда. Но мистер Беккет успел незаметно удалиться; я слышала, как скрипит паркет в коридоре.

– Пожалуйста, не волнуйтесь! – крикнула я, надевая тунику и хватая со станка платье. – Обычно я не танцую в белье, но мне было очень жарко, и к тому же я узнала восхитительную новость.

– Вот как? – Мистер Беккет прочистил горло.

– Мой учитель танцев записал меня в число участников самого крупного конкурса современного танца в Европе. Я очень нервничаю, известие меня взбудоражило, я счастлива до небес и в то же время ужасно боюсь.

– Мои поздравления, – проговорил он через дверь.

– Он считает, что у меня настоящий талант. – Повторяя слова месье Борлина, я услышала, как дрожит мой голос. Неужели он и в самом деле это сказал?

– Мистер Джойс говорил мне то же самое. И я... мне захотелось посмотреть самому.

– Я полностью одета. Можете войти. – Я оправила подол платья и убрала волосы с лица. – Хотите увидеть отрывок из моего «Танца радуги»? Он еще не готов, но когда я работаю над ним, то думаю о баббо.

– Если позволите. – Мистер Беккет осторожно вышел из-за двери.

Я кивнула и прикинула, не снять ли мне платье, чтобы танцевать в тунике, как полагается, но потом в моих ушах словно загремел голос мамы, и я решила оставить все как есть.

– Вообразите, что играет музыка и что я одна из семи танцовщиц. И представьте, что на мне некий радужный костюм.

Я встала в первую позицию, отвела назад правую ногу и сделала несколько первых па. Я скользила по студии, откидываясь назад, наклоняясь вперед, кружась на одной ноге. Я парила в воздухе, словно птица, подчиняясь неведомому ветру. Эфемерная дуга цвета, дрожащая, растворяющаяся. Вспышка света, заключенного в темницу. Разгоняемая бурей радуга, мои полосы цвета трепетали и таяли. Я сжималась в комок и крутилась. Иглы дождя, острые, пронзающие небо. Я раздвинула пальцы, выпуская нежные лучи теплого солнечного света. Я – это спутанный моток сияющих цветов. Золотокожая волшебница, ткущая полотно ветра. Расположенная солнцем властительница мироздания.

– Пока я дошла только до этой стадии. – Я замолчала, ожидая вердикта мистера Беккета, и внезапно почувствовала тревогу и неуверенность в себе. Что на меня нашло? Не иначе, как похвала месье Борлина ударила мне в голову!

– Невероятно, – пораженно выдохнул он. – Я и понятия не имел... Мистер Джойс говорил, что вы прекрасно танцуете, но это... – Он покачал головой, словно вдруг растерял все слова.

Я тоже умолкла, не зная, что сказать. Но неожиданно мои губы раскрылись будто бы сами по себе, и я произнесла нечто столь дерзкое, откровенно кокетливое и мне несвойственное, словно молодая нахальная парижанка овладела моими голосовыми связками.

– Я бы хотела научить вас танцевать, Сэм.

Наступила многозначительная пауза. Я уставилась в пол, ожидая, что сейчас мистер Беккет покраснеет и вежливо откажется. Но он этого не сделал. К моему крайнему изумлению, он произнес:

– Я бы тоже этого хотел. Очень. – Он пристально посмотрел на меня своим странным взглядом – мне всегда казалось, что его глаза видят то, что происходит внутри меня: мое трепещущее сердце, застывший в легких воздух, горячую кровь, мчащуюся по венам.

Я попыталась изменить интонацию, чтобы он не понял, в какой восторг привел меня его ответ.

– Мы начнем с чарльстона. Все в Париже танцуют чарльстон.

– Очень хорошо. Значит, чарльстон. – Он улыбнулся как-то чудно, половинкой рта, и сделал жест в сторону окна. Стрелы дождя разбивались о стекло. – Я должен идти сейчас. Я направлялся на Монмартр.

– Я не смогу учить вас, пока не пройдет конкурс. Сможете ли вы подождать?

– Думаю, да.

Он произнес это немного испуганно, но отчего, я разобрать не сумела.

Выйдя из студии, мы пошли в разные стороны. В конце улицы я обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на него. Он всходил по ступенькам к Сакре-Кёр, и ветер развевал его волосы, так что они стояли над головой, как небольшой неровный нимб. Мои мысли немедленно вернулись к танцам, словам месье Борлина, фестивалю и чарльстону с мистером Беккетом. Как же у меня все это получится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.